

ДЖОН ДУГЛАС
И МАРК ОЛШЕЙКЕР

ПРОТОТИП ГЕРОЯ СЕРИАЛА
MINDHUNTER

**ПОЧЕМУ
ОНИ
УБИВАЮТ?**

КАК ФБР ВЫЧИСЛЯЕТ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ

Портрет психопата. Профайлер о серийных убийцах

Марк Олшейкер

**Почему они убивают. Как ФБР
вычисляет серийных убийц**

«ЭКСМО»

1999

УДК 343.9:159.9
ББК 67.51+88.3

Олшейкер М.

Почему они убивают. Как ФБР вычисляет серийных убийц
/ М. Олшейкер — «Эксмо», 1999 — (Портрет психопата.
Профайлер о серийных убийцах)

ISBN 978-5-04-170048-5

Легендарный профайлер ФБР и прототип Джека Кроуфорда из знаменитого «Молчания ягнят» Джон Дуглас исследует исток всех преступлений: мотив убийцы. Почему преступник убивает? Какие мотивы им движут? Обида? Мечь? Вожделение? Жажда признания и славы? Один из родоначальников криминального профайлинга, знаменитый спецагент ФБР Джон Дуглас считает этот вопрос ключевым в понимании личности убийцы — и, соответственно, его поимке. Ответив на вопрос «Почему?», можно ответить на вопрос «Кто?» — и решить загадку. Исследуя разные мотивы и методы преступлений, Джон Дуглас рассказывает о самых распространенных типах серийных и массовых убийц. Он выделяет общие элементы в их биографиях и показывает, как эти знания могут применяться к другим видам преступлений. На примере захватывающих историй — дела Харви Ли Освальда, Унабомбера, убийства Джанни Версаче и многих других — легендарный «Охотник за разумом» погружает нас в разум насильников, отравителей, террористов, поджигателей и ассасинов. Он наглядно объясняет, почему люди идут на те или иные преступления, и учит распознавать потенциальных убийц, пока еще не стало слишком поздно... «Джон Дуглас — блестящий специалист... Он знает о серийных убийцах больше, чем кто-либо еще во всем мире». — Джонатан Демм, режиссер фильма «Молчание ягнят» «Информативная и провокационная книга, от которой невозможно оторваться... Дуглас выступает за внимание и наблюдательность, исследует криминальную мотивацию и дает ценные уроки того, как быть начеку и уберечься от маловероятных, но все равно смертельных угроз современного общества». — Kirkus Review «Потрясающая книга, полностью обоснованная научно и изобилующая информацией... Поклонники детективов и триллеров,

также те, кому интересно проникнуть в криминальный ум, найдут ее точные наблюдения и поразительные выводы идеальным чтением». — Biography Magazine В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 343.9:159.9

ББК 67.51+88.3

ISBN 978-5-04-170048-5

© Олшейкер М., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Пролог. Данблейн	7
Глава 1. Чему я научился у плохих парней	12
Глава 2. Игры с огнем	28
Глава 3. Высшая сила	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Джон Дуглас, Марк Олшейкер Почему они убивают. Как ФБР вычисляет серийных убийц

John Douglas, Mark Olshaker

The Anatomy of Motive: The FBI's Legendary Mindhunter Explores the Key to Understanding
and Catching Violent Criminals

© Голыбина И. Д., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается Долорес Дуглас, Тельме Олшейкер и Молли
Клементе, с любовью*

*Главным признаком эпохи стало то, что разум осознал сам себя...
Люди рождались с ножами в мозгу, со склонностью к интроверсии,
самокопанию, анатомированию мотивов.
Ральф Уолдо Эмерсон, «Жизнь и письма из Новой Англии»*

Пролог. Данблейн

Почему он это сделал?

Я был в Шотландии, когда услышал про стрельбу в школе.

Сегодня среда, 13 марта 1996 года, и я нахожусь в телевизионной студии в Глазго – участвую в рекламном туре со своей книгой «Охотник за разумом», по приглашению нашего британского издателя. Целый час мне задают вопросы о профилировании в криминологии ведущие программы «Сегодня утром» на канале ITV, очаровательные Ричард Мэдли и Джуди Финнеган. С чего мы начинали? – спрашивают они. Как я научился тому, что знаю, и у кого? Как пришел мой Отдел поддержки расследований в Куантико, Виргиния, к разработке и использованию профилей неизвестных субъектов, или НС, как их принято называть в ФБР и правоохранительных органах? На всем протяжении тура меня поражает интерес британцев к моей карьере: розыску и изучению убийц, насильников, террористов – людей, чьи жестокие преступления выходят за грань человеческого воображения. К счастью для жителей Великобритании, их обществу не присуща такая жестокость, как нашему, в США; однако интерес, который они проявляют, мне понятен. Первый в истории серийный убийца – Джек-потрошитель – терроризировал лондонский Ист-Энд более века назад, но его загадка так и осталась неразгаданной. Меня регулярно спрашивают, можно ли сейчас составить профиль убийцы, вычислить его личность и закрыть это дело. Я отвечаю, что указать на конкретного человека спустя такое количество времени не получится, но даже через столетие мы можем составить достоверный профиль субъекта и с высокой степенью уверенности определить, *каким человеком* он был. На самом деле, говорю я им, я уже неоднократно составлял профиль Джека-потрошителя – и на практических занятиях в Куантико, и на телешоу с Питером Устиновым несколько лет назад.

Я сижу в зале отдыха телеканала, когда туда входит продюсер. Наверное, она пришла поблагодарить меня за участие; но нет, лицо у нее мрачное, а голос напряженный.

– Джон, вы можете вернуться в студию?

Я только что провел там целый час – что еще могло им понадобиться?

– А зачем? – спрашиваю я. – Что случилось?

– В Данблейне произошло ужасное убийство.

Я никогда раньше не слышал об этом месте. Оказывается, Данблейн – это тихая деревушка с 7300 жителями на полпути от Глазго до Эдинбурга, основанная еще в Средневековье. И у меня всего пять минут до возвращения в студию, за которые я должен изучить телеграфное сообщение, которое продюсер мне передала.

Там говорится, что в начальной школе Данблейна произошло массовое убийство детей. Сведения обрывочные, почти без подробностей: человек с оружием проник в школу примерно полдесятого утра и начал расстреливать детей от четырех до шести лет на площадке. Выстрелов было много, совершенно точно убито несколько детей. Многие ранены, учительница – смертельно. Репортеры пока не знают имени или возраста убийцы, но у него с собой было несколько видов оружия – причем все крупнокалиберное, военного образца.

Судя по этим данным, там произошло нечто страшное. Будучи отцом троих детей – даже несмотря на свою работу, – я не могу не содрогнуться при мысли о том, как в малышей стреляли на площадке перед их собственной школой.

Пока что это вся информация, и мы возвращаемся в студию, по-прежнему в шоке от новостей. Эфир начинается с сообщения о стрельбе, после чего Ричард Мэдли разворачивается ко мне и спрашивает:

– Итак, Джон, что же у нас тут?

– Для начала: мы имеем дело с массовым убийцей, – отвечаю я, после чего объясняю, чем массовый убийца отличается от серийного или цепного. Серийный убийца охотится на людей

ради сексуального возбуждения, которое испытывает в процессе, и будет делать это снова и снова, считая, что может перехитрить полицию и его никогда не поймают. Цепной, или «запойный», убийца убивает большое количество жертв в разных местах за короткий период времени – несколько часов или дней. Массовый убийца играет на поражение. Вступив на этот путь, он не рассчитывает остаться в живых. Он либо совершает самоубийство после того, как «заявит о себе», либо идет на так называемое самоубийство руками полицейского, то есть провоцирует ситуацию, в которой полиция или бойцы спецподразделения вынуждены открыть огонь. Я высказываю предположение, что из дальнейших сообщений мы узнаем о гибели преступника. Такие убийцы настолько неадекватны, что не могут допустить, чтобы другие взяли над ними контроль или предали правосудию.

– Но что за человек мог пойти на такое? – спрашивает Джуди Финнеган, искренне потрясенная.

– Что ж, – отвечаю я, – первое, что нам требуется понять, – это мотив, а ключом к нему является виктимология.

– Кого он избрал своими жертвами и почему? Выбор был случайным или тщательно продуманным?

– Обычно массовые убийцы – мужчины, белые, в возрасте примерно от тридцати пяти до сорока пяти лет. В вашей стране чернокожего населения меньше, поэтому кандидатура белого мужчины еще более вероятна. Однако даже у нас, где чернокожих больше, это все равно будет белый мужчина, асоциальный одиночка. Наверняка так и окажется в вашем случае.

Подобные вещи не происходят в вакууме. Я знаю, что хотя на данный момент у нас нет никаких подробностей, очень скоро мы сможем сформировать некоторый паттерн, и уже сейчас могу его отчасти предсказать. Личность преступника, заявляю я, не станет сюрпризом для остальных жителей деревни. Это человек, который уже ввязывался в неприятности. А поскольку своей мишенью он выбрал школу, проблема заключается в детях, самой школе или в родителях. Связь наверняка есть.

– В подобных делах, – говорю я, – обычно имеется причина; он выбрал школьников потому, что его жизнь как-то связана с ними. И место он выбрал то, где чувствует себя уверенно.

Бывает, что дети становятся жертвами массовых убийств, но обычно это происходит случайно (например, при стрельбе в ресторане быстрого питания) или когда они являются членами семьи, на которую нападает преступник. Тогда речь о другом типе преступления, и тот, кто его совершает, демонстрирует другой поведенческий паттерн. Перед преступлением эти люди становятся очень раздражительными и очень злыми. Преступник из Данблейна наверняка писал жалобы – директору или завучу школы, в местные газеты или властям. Людям вроде него проще общаться письменно – поэтому они ведут дневники, куда выливают свою злобу и где описывают, что их раздражает. Когда они понимают, что этого недостаточно, происходит эскалация – они адресуют свои жалобы на высший уровень. В США они могут писать президенту. В Британии – королеве или премьер-министру. Они доходят в жизни до той точки, когда решают, что никто не обращает на них внимания. Тогда и происходит преступление.

Я говорю телеведущим, что стрельба в Данблейне кажется мне своего рода мстостью. Поскольку жертвы – совсем маленькие дети, это, видимо, расплата за некоторую несправедливость – реальную или воображаемую – в адрес убийцы. Дети слишком малы, чтобы убийца считал их виновными в собственных бедах. Учительница тоже не является для него главной мишенью, иначе он просто застрелил бы ее и сбежал. Скорее всего, она защищала детей, и он устранил ее, чтобы добраться до них. На мой взгляд, его целью является невинность как таковая – он словно решил отобрать самое ценное либо у родителей, либо у руководства школы, либо у тех и других.

Наверняка он одинок, утверждаю я, и не имеет никаких значимых отношений с женщинами своей возрастной группы. Он работает с детьми – как учитель или, что более вероятно, скаутский вожатый или волонтер. Это единственная разновидность сексуализированных отношений, в которых ему комфортно; он не доверяет своим ровесникам, а они ему. Он может быть гомосексуалом и предпочитать мальчиков девочкам, но не обязательно, поскольку жертвы еще не достигли полового созревания. Но родители или учителя уже подозревали его, причем настолько, что лишили возможности контактировать с детьми. Он считал это несправедливым и оскорбился – в конце концов, он только хочет дарить им свою любовь и внимание. Об этом и говорится в его письмах: он жалуется, что его репутацию очернили.

Никто его не слушает, и он понимает, что его жизнь больше не имеет никакой ценности. Если этих драгоценных невинных детей отобрали у него, он отберет их у тех, кто причинил ему такую боль. Это его ровесники – и он их накажет. Не важно, являлись ли те самые дети, которые пришли утром в начальную школу Данблейна, его бывшими подопечными – он обвиняет всех жителей, все свое поколение. Родители и школьное руководство ему не доверяют, и он обрушивает на них свой гнев. Это отмщение. Мы классифицируем такие преступления как убийство по личным мотивам. Скорее всего, имелся и конкретный стрессор, который заставил его на это пойти.

Этот человек никогда не вписывался в общество. Про серийных убийц, когда их ловят, соседи, знакомые и коллеги обычно говорят, изумляясь, что это последний человек, кого они бы заподозрили, – он был такой приятный или казался совсем обычным. И прекрасно ладил со своей девушкой или женой.

Соседи, знакомые и коллеги серийных убийц часто говорят, что это последний человек, кого они бы заподозрили. Массовый убийца другой: окружающие считают его странным и нелюдимым, в его обществе им находиться неприятно.

Соседи, знакомые и коллеги серийных убийц часто говорят, что это последний человек, кого они бы заподозрили. Массовый убийца другой: окружающие считают его странным и нелюдимым, в его обществе им находиться неприятно.

Но не этот парень. Массовые убийцы сильно отличаются от серийных. Окружающие считали его странным и нелюдимым. Им было неприятно находиться в его обществе, хоть они и не демонстрировали этого открыто. В США я не придавал бы большого значения выбору оружия. У нас его легко достать, поэтому убийца мог быть как фанатом оружия, так и простым человеком, который его раздобыл только ради этой цели. Однако в Британии ружья и винтовки находятся под строгим контролем. Если он не военный и не полицейский, то должен являться членом стрелкового клуба, чтобы иметь к оружию доступ. А с учетом его «странных» качеств, такое увлечение само по себе должно было стать тревожным звоночком. Этот человек был, как паровой котел, готов взорваться – а теперь за это расплачиваются невинные дети.

К моменту, когда появилась окончательная информация, я уже покинул Шотландию.

Шестнадцать детей в возрасте от четырех до шести лет погибли тем утром – пятнадцать на месте и один в госпитале. Умерла и их учительница, сорокапятилетняя Гвен Мэйр, которая отважно пыталась остановить преступника у входа в школу и проводила для детей урок физкультуры в зале – а не на площадке, как предполагалось ранее. Еще двенадцать детей получили ранения. Один остался цел, двое других, по счастью, пропустили уроки из-за болезни. Убийца попытался войти в школу в момент, когда в зале проходила общая переключка, и там находилось несколько сотен учеников, но один из школьников дал ему неверную информацию относительно расписания; поэтому, когда он пришел, в зале тренировался только один класс. У него было с собой четыре пистолета: два револьвера и два девятимиллиметровых полуавто-

матических. Директор Рональд Тейлор вызывал спасателей и следил за тем, чтобы остальные семьсот учеников школы сохраняли спокойствие после того, как в зале прогремели выстрелы. Бойня продолжалась в общей сложности три минуты.

Стрелок, Томас Уотт Гамильтон, сорока трех лет, белый, холостой, был некогда вожатым скаутов, и про него поговаривали, что он равнодушен к маленьким мальчикам и сильно возмущается общественным отторжением. Вожатым он стал в июле 1973-го, но на него поступали жалобы, и в марте следующего года его попросили уйти. Последующие попытки восстановиться в должности оказались безуспешными. Кроме мальчиков его очень интересовало оружие. Он был членом местного стрелкового клуба и имел необходимое разрешение на стрельбу в его специализированных помещениях.

Соседи описывали высокого, лысеющего Гамильтона как отшельника и чудака. Многие сравнивали его с мистером Споком из «Звездного пути» и считали странным. По их словам, он всегда ходил в белой рубашке и ветровке, с наброшенным на голову капюшоном, чтобы скрыть лысину. Когда-то у него был магазин хозяйственных товаров под названием «Все из дерева», потом он стал профессиональным фотографом. Две соседки утверждали, что стены его домика с двумя спальнями в Брахеде близ Стерлинга увешаны цветными фотографиями полураздетых мальчишек.

Не сумев вернуться в скаутское движение, Гамильтон организовал собственный военизированный клуб, «Стерлинг Роверс», и вывозил группы мальчиков от восьми до двенадцати лет в короткие походы, во время которых много их фотографировал, снимал любительские фильмы, а впоследствии видео. Одна из двух соседок как-то получила приглашение посмотреть с ним такой фильм – там мальчики резвились на берегу речки в купальных костюмах. Между 1993 и 1994 годами полиция получила от скаутской организации предупреждение насчет Гамильтона – его видели в районе красных фонарей для гомосексуалов. Примерно в то же время он рассылал письма родителям из Данблейна, опровергая слухи о том, что растлевает малолетних мальчиков. За несколько недель до стрельбы ему отказали в приеме на работу волонтером в начальную школу Данблейна. Он писал жалобы в прессу, где возмущался, что полиция и учителя распространяют о нем ложные слухи, а также обращался к королеве с письмом, в котором утверждал, что скауты подорвали его репутацию.

Составленный мной профиль наделал немало шума. В нескольких шотландских газетах появились статьи с названиями вроде «Спецагент открывает тайну маньяка» или «Эксперт предлагает обучать полицейских распознаванию потенциальных убийц».

Но как же я смог это сделать? Как смог описать человека, о котором не знал ничего, кроме его последнего в жизни поступка, за тысячи километров от тех мест, где живу и работаю? Может, у меня особый дар проникать в головы преступников? Хотелось бы – но такого дара у меня нет и никогда не было. Просто я два десятка лет проработал в ФБР с экспертами – убийцами и жестокими правонарушителями, – разыскивая и профилируя их. И кое-чему научился.

Дело в том, что поведение отражает личность. Если бы вы изучали эту часть населения так же пристально, как я, вы поняли бы, что хотя каждое преступление уникально, поведение укладывается в определенные паттерны. Почему неудивительно, что такой человек, как Томас Уотт Гамильтон, стал массовым убийцей детей, но крайне маловероятно, чтобы он превратился, скажем, в серийного убийцу или террориста – хотя в этих категориях тоже обычно действуют асоциальные одиночки?

Если вы повидали достаточно паттернов в действии и выделили их основные характеристики, то можете понять, что произошло, и – еще важнее – ответить на вопрос: *Почему?* А он, в свою очередь, ведет к главному ответу: *Кто?* Именно это стремится выяснить любой детектив или агент ФБР. Именно это хотят знать все писатели и читатели. Почему люди совершают те преступления, которые совершают, и именно таким способом?

Похоже на загадку из гангстерских фильмов 1930-х, не правда ли: почему один человек становится преступником, а другой – священником? Или, как задал бы вопрос я: почему один становится серийным убийцей, другой насильником, третий ассасином, четвертый террористом, пятый отравителем, а шестой – растлителем малолетних? А внутри этих категорий – почему каждый совершает преступления именно этим конкретным путем? Ответ лежит в одном фундаментальном вопросе, который относится к ним всем:

Почему он это сделал?

Кто? – вытекает непосредственно отсюда.

И эту загадку нам предстоит разгадать.

Глава 1. Чему я научился у плохих парней

Кто это сделал? И почему? Вот что мы все хотим знать.

Давайте рассмотрим два относительно простых, очевидных преступления. С виду они вроде бы одинаковые, но на самом деле сильно различаются. Они были совершены поблизости друг от друга, и я стал жертвой одного из них.

Дело было вскоре после моей отставки из ФБР, когда мы решили отремонтировать дом. Мы практически превратились в кочевников и неделями спали прямо на полу. Я шутил, обращаясь к жене и детям, что теперь представляю себе, как жила «Семья» Чарли Мэнсона. Большую часть мебели и остальных вещей пришлось отправить на хранение в гараж. Наконец, когда настало время перестилать полы, мы съехали в ближайший мотель.

Ночью в ФБР поступил звонок из местного отделения полиции: они разыскивали специального агента Джона Дугласа. Когда их связали со мной, трубку взял детектив. Он сказал:

– У одного из подозреваемых были обнаружены кое-какие ваши вещи.

– Какие именно? О чем вообще идет речь? – спросил я.

– Полного списка у нас пока нет. Но мы нашли деревянную коробку с эмблемой ФБР на крышке, – ответил он.

– Да, это моя, – подтвердил я. В коробке хранился «Смит-Вессон Магнум» 357-го калибра с выгравированным на нем моим личным номером – это был подарок на пятидесятилетие, который традиционно получают офицеры ФБР, имеющие разрешение на ношение оружия. Такие револьверы есть у многих специальных агентов.

– А оружие на месте? – встревожившись, спросил я.

– Нет, – ответил он. – Револьвера нет.

«Вот черт!» – подумал я. Хотя оружие и было подарочным, стреляло оно отлично. Читавшие «Охотника за разумом», наверное, помнят историю о том, как я начинал карьеру в Бюро полевым агентом в Детройте и потерял свой «Смит-Вессон 10»: его украли из бардачка моего «Фольксвагена Жук». Это было едва ли не самое худшее, что могло случиться с агентом, во времена правления Дж. Эдгара Гувера. И вот теперь я, с почетом выйдя в отставку после двадцатипятилетней службы, опять поневоле снабдил оружием врага!

Я и не знал, что у нас что-то пропало! Мне назвали имена подозреваемых, и два из них оказались мне знакомы: это были сыновья-подростки одного из мужчин, работавших у нас в доме. Об одном я мало что знал, а второму недавно исполнилось девятнадцать лет, он учился на первом курсе колледжа и занимался спортом. Я был удивлен, разочарован и очень зол.

Полицейские попросили меня поехать домой и составить список украденного. Кроме револьвера пропали телевизор, стереосистема и тому подобные вещи. Хотя подозреваемых пока не поймали, уже по тому, что они взяли, становилось ясно, что это простые любители. Преступление было не первое, и полиция вычислила виновников. Жертвы грабителей оказались знакомы между собой.

Подростки крали из тех домов, в которых бывали и где чувствовали себя уверенно. Когда полиция получила ордер на обыск в их квартире, там обнаружилась большая часть украденных вещей.

Мотив: им хотелось обставить свою квартиру.

Как я уже говорил, я был зол, но куда меньше, чем отец девятнадцатилетнего грабителя. Тот едва не разорвал сына на части:

– Ты с ума сошел! Этот парень не только мой клиент, он еще агент ФБР! У него лицензия на ношение оружия, и он знает, как им пользоваться. Что, если бы в ту ночь он пришел домой и застрелил тебя! Ты же мог погибнуть!

– Об этом я не подумал, – с глуповатым видом ответил парень. Заводилой оказался старший из троих, а этот, похоже, просто поддался его влиянию.

На допросе в полиции он клялся, что они, завладев моим револьвером, так перепугались, что бросили его в реку. Остальные вещи мне вернули. Парень признал себя виновным, компенсировал ущерб и, думаю, отец хорошенько выбил из него дурь.

С точки зрения криминалиста-профайлера, то есть моей, при расследовании краж со взломом первое, на что следует обращать внимания – как и сделали полицейские, – это характер украденного.

Если пропали обычные вещи – наличные, кредитные карты и украшения либо телевизор, музыкальный центр или видеоаппаратура, – то речь о самой обыкновенной краже, и единственное, что тут можно сделать, это установить степень опытности и изощренности воров, основываясь на выборе жертвы и количестве добычи. Если не поймать их на месте, придется ждать, пока не возникнет связи с другими кражами – как в моем случае.

А теперь сравним это преступление с другим – тоже кражей, – которое произошло в нескольких милях от меня.

Женщина заявила, что в ее квартиру вломились, и когда полиция спросила, что у нее украли, она ответила, что пропала часть ее нижнего белья. Незадолго до этого в том же жилищном комплексе, окруженном садом, другие женщины жаловались на то, что некий вуайерист подглядывает за ними в окна. В одном случае полицейские взялись за расследование и нашли улики, подтверждающие, что под окном кто-то мастурбировал.

Два эпизода кражи со взломом. Первый преступник (в данном случае преступники) взял револьвер и ценные вещи. Второй – нет. И хотя оба случая вызывают возмущение, большинство из нас инстинктивно понимает, что второй – более опасный. Но как мы приходим к этому выводу?

Фетишистов полиция часто упускает из виду, считая просто нарушителями порядка, а они зачастую отнюдь не таковы. Вор-фетишист не прекратит свои действия сам по себе.

Все дело в мотиве. И как же по мотиву – не зная ни личность преступника, ни особенности его характера – мы решаем, что он представляет наибольшую угрозу? Просто мы по опыту уже знакомы с подобным типом правонарушителей. Вор – тот, кто крадет чужую собственность ради обогащения или, как в нашем случае, просто потому, что хочет иметь то, что есть у других, – может либо продолжить свой криминальный путь, либо остановиться. Думаю, тот парень как раз остановился. Он узнал, что бывает, если тебя поймают, и совершенно точно не хотел, чтобы его жизнь приняла подобный оборот.

С другой стороны, воров трусиков – или фетишистов – полиция часто упускает из виду, считая просто нарушителями порядка, а они зачастую отнюдь не таковы. Этот второй парень украл женское белье не для того, чтобы продать, и не потому, что не мог обзавестись собственным. Его мотив явно был связан с эротическими фантазиями и имел выраженный сексуальный подтекст. И если учесть, что с этой кражей парень перешел из «младшей школы» – вуайеризма – в «старшую» – к кражам со взломом, которые влекут за собой куда больший риск, то у нас есть все основания предполагать, что на этом он не остановится. Вор-фетишист не прекратит свои действия сам по себе.

Иногда почти одинаковые преступления, такие как кражи, являются результатами совершенно различных мотиваций у людей, совершающих их. Дифференциация мотиваций – это ключ к пониманию личности преступника и оценки его опасности для общества. Возьмем дело одного грабителя, с которым я столкнулся, работая в ФБР. Назовем его Дуайт. В шестнадцать лет его точно так же арестовали за воровство; мотивом была жажда наживы. Дальше Дуайт был арестован за вооруженное нападение. Собственно говоря, впервые он попал в полицию в десять

лет, за проникновение в чужое жилье. К четырнадцати годам у него имелись также обвинения за кражи со взломом, несколько нападений с отягчающими обстоятельствами и угоны машин. Свой первый автомобиль он угнал, когда у него не было даже ученических прав, не говоря о полноценных. Его отправили в исправительное учреждение, где его сочли крайне проблемным. Психологи и консультанты описывали его как враждебного, агрессивного, импульсивного, лишенного самоконтроля и каких-либо угрызений совести подростка. Он всегда обвинял других в своих прегрешениях. Не отрицал, что употребляет алкоголь и наркотики. Его быстро записали в асоциальные элементы.

В то время как «мой» грабитель происходил из полной семьи, с матерью и отцом, которые пришли в ужас, узнав о преступлении сына, и приложили все усилия, чтобы вернуть его на правильный путь, у Дуайта в семье царила полная неразбериха. Мать отдала его своим родителям, которые формально усыновили внука, когда ему исполнилось год и два месяца. Второго сына мать оставила себе, по какой-то причине отказавшись от Дуайта. Дед его служил в ВВС, поэтому они много переезжали, но когда Дуайту исполнилось девять лет, приемные родители развелись, и он остался с бабушкой, то есть без мужского примера для подражания.

В школе он постоянно попадал в неприятности, несколько раз его временно исключали. К сожалению, время подтвердило печальные прогнозы, которые делались на его счет с ранних лет: после многочисленных нарушений закона он получил, в конце концов, смертный приговор за страшное изнасилование и убийство.

Одинаковые кражи, но насколько разные преступники! Один украл потому, что это показалось ему легким, и он особо не задумывался. Второй – потому что жизни других людей не имели для него значения.

* * *

Где-то в начале 1978 года мне пришла в голову мысль, что для того чтобы понять, что произошло на месте преступления, будет неплохо разобраться, что творилось в голове главного действующего лица этой драмы – правонарушителя. А единственный способ это узнать, чтобы применять полученные данные при расследовании других преступлений, – спросить его самого. Удивительно: хотя в криминологии ведется масса исследований, никто этим раньше не занимался, разве что самым случайным и легкомысленным образом.

Мне было тридцать два, и я служил инструктором в Отделе бихейвиористики Академии ФБР, после того как вернулся в Куантико, поработав полевым агентом в Детройте и Милуоки. Я преподавал прикладную криминалистическую психологию как новобранцам, так и членам Национальной академии. Новички не представляли для меня проблемы: они были моложе и знали меньше, чем я. А вот с офицерами было по-другому. Они являлись высокопоставленными служащими, опытными следователями из разных штатов и даже из других стран, которых отправляли в Куантико на продвинутый курс обучения. Я совру, если скажу, что меня не смущала перспектива выступать перед авторитетами из ФБР, стоять перед умудренными опытом мужчинами и женщинами, которые проработали гораздо дольше меня и раскрыли больше преступлений. На всякий случай, прежде чем заговорить о каком-либо деле, я спрашивал аудиторию, не расследовал ли его кто-то из присутствующих. Если такой находился, я просил его еще раз изложить факты, чтобы не попасть в неловкую ситуацию.

Вопрос заключался в следующем: что нового я могу сказать этим людям, которые и так все знают?

Во-первых, подумал я, если дать им представление о внутренних процессах, о логике преступников, о том, *как* они решают совершить преступление и *почему* выбирают именно такой его тип – *откуда* произрастает их мотив, – то мы предоставим нашим следователям

ценный инструмент, способный помочь в поисках ответа на главный вопрос: *кто*? Формула проста: *почему* + *как* = *кто*.

Как? Почему? Где? Кто? Этими вопросами задавались писатели и психиатры, включая Достоевского и Фрейда, в их «Преступлении и наказании» и «По ту сторону принципа удовольствия». Ими занимаются философы и теологи, социальные работники при рассмотрении дел и судьи при вынесении приговора. Фактически они составляют центральное ядро того, что мы называем, за неимением лучшего определения, человеческим существованием.

Но мы с вами подойдем к этим вопросам с другой точки зрения, а именно, как они могут быть *полезны* в правоохранительной сфере и расследовании преступлений. Технически прокурору не обязательно предоставлять мотив, чтобы добиться приговора, если у него есть убедительные доказательства вины. Но на практике большинство прокуроров вам скажет, что если не предложить присяжным логического мотива, те не вынесут необходимый вердикт – например, признают преднамеренное убийство непреднамеренным.

Прикладная криминалистическая психология вся, по сути, сводится к одному ключевому вопросу: почему преступник совершает преступление именно таким, а не другим, способом?

И эту загадку я собирался разрешить.

В то время я проводил так называемые полевые школы, в паре с Робертом Ресслером, более опытным инструктором, который до перехода в ФБР служил в военной полиции. Наши полевые школы были именно такими, как вы себе представили: инструкторы из Куантико ездили по стране и проводили для полицейских на местах и шерифских офисов сокращенную недельную версию курса, который преподавался в академии. В выходные мы отдыхали, а на следующей неделе двигались дальше. Бывало, что мы даже не заезжали домой, и так и возили за собой чемоданы с нестираной одеждой.

Постоянные перемещения давали мне прекрасную возможность попытаться реализовать свою идею – побеседовать с опасными преступниками, сидящими в разных тюрьмах. Куда бы я ни ехал, я выяснял, какая там поблизости государственная или федеральная тюрьма и не сидит ли там кто-то, представляющий для нас интерес. За несколько лет мы с напарниками опросили более пятидесяти преступников, совершивших тяжкие преступления, в разных американских тюрьмах и исправительных учреждениях, включая тридцать шесть убийц на сексуальной почве, и включили эти данные в исследование, проведенное под эгидой Национального института юстиции и опубликованное в 1988 году в виде книги «Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы». Соавтором этого исследования выступала доктор Энн Берджесс, профессор психиатрии в Университете Пенсильвании, которая работала с нами практически с самого начала, помогая сортировать и анализировать огромные объемы информации, которую мы собрали. Энн также разработала параметры и стандарты, которые помогли нам превратить наши разрозненные записки о проникновении в самые темные уголки человеческой души в полезный научный труд.

Во время интервью мы не делали записей, поэтому, едва выбравшись из тюрьмы, скорее кидались в отель, чтобы зафиксировать данные и заполнить пробелы в опроснике. Часть его мы заполняли заранее, изучая материалы дела и личные характеристики преступника. Но ключевые детали – те, которые имели для нас значение, – надо было узнавать у него непосредственно.

Поначалу я просто пытался добиться, чтобы эти люди говорили со мной, и задавал им вопросы, которые, как я надеялся, помогут больше узнать о прикладной криминалистической психологии – не в академическом смысле, а так, чтобы помогать нам в расследовании реальных преступлений.

Даже сейчас, много лет спустя, я поражаюсь тому, сколько закоренелых преступников (в большинстве своем они отбывали огромные сроки, и им нечего было терять) не только соглашались с нами говорить, но и охотно рассказывали о своей личной жизни, взрослении и про-

цессе превращения в асоциальную личность. Почему они не отказывались от беседы? Думаю, причин было несколько, в зависимости от индивидуальных особенностей: любопытство, скука, угрызения совести или возможность заново пережить свои страшные деяния, которые для многих являлись самыми грандиозными моментами в их жизни. Я объяснял это тем, что мы обращаемся к эго людей, которые и так руководствуются им в первую очередь; у них есть масса свободного времени, и мало кто проявляет интерес к их «подвигам», особенно во внешнем мире.

Не все подходили для того, чтобы участвовать в подобных исследованиях. Даже обсуждая подробности самых отвратительных преступлений, нельзя было показать своего гнева или осуждения, иначе ты ничего бы не узнал. Надо было уметь слушать и быть хорошим актером – то есть играть в их игру.

Что касается вопроса о том, почему так много преступников соглашались нам открыться, обнажить свою душу, то, думаю, дело было в глубине и вдумчивости, с которой мы подходили к каждому интервью. Прежде чем попасть в тюрьму за тяжкое преступление, человек неоднократно оказывается в схожей ситуации: его допрашивают детективы, потом с ним говорят адвокаты, перед приговором дает свое заключение психиатр, а в тюрьме он беседует с психологами и консультантами. Но везде, за исключением первого случая, когда следователи пытаются выявить малейшие несоответствия или ложь, преступник говорит не то, что думает на самом деле, а то, что поможет ему как-нибудь выкрутиться.

Мы же подходили к своей задаче по-другому. Сначала мы подробно изучали материалы дела, чтобы интервьюируемый не мог обмануть нас насчет того, что совершил и каким образом. Помимо подробностей преступления мы исследовали заключение психиатра и оценку служащих тюрьмы, тесты IQ – всю информацию о заключенном. Единственным способом добиться правды от этих людей было сказать в нужный момент: «Минуточку! Как вы можете утверждать, что испытывали к жертве сочувствие и жалость, если вы нанесли ей двадцать семь ножевых ранений, когда она и так уже была мертва?» А чтобы это сказать, надо знать весь ход преступления вдоль и поперек.

Второй фактор, действовавший в нашу пользу, заключался в том, что мы были готовы потратить на интервью сколько угодно времени, чтобы перейти от обычной болтовни, вранья и пустой сентиментальности, которые постепенно утомляли нашего клиента, к серьезному разговору о его движущих мотивах. Иногда он сам охотно их излагал. Иногда нам приходилось догадываться о них по подсказкам, которые он давал нам. Но чем больше мы слушали, тем более целостной становилась картина.

Кто были те люди, которых мы посещали? «Знаменитые преступники», вроде Чарльза Мэнсона, а также Сара Джейн Мур и последовательница Мэнсона Линетт (Сквики) Фромм, которые по очереди пытались убить президента Джеральда Форда. Мы говорили с Артуром Бремером, который выслеживал президента Ричарда Никсона с целью его убить, но в конце концов направил свою разрушительную энергию на кандидата в президенты Джорджа Уоллеса в 1972-м, который тогда был губернатором Алабамы – вместо убийства он приговорил его к пожизненному параличу и боли. Мы встречались с Дэвидом Берковицем, «Сыном Сэма» или «Убийцей с 44-м калибром», терроризировавшим Нью-Йорк целый год, пока его не поймали в июле 1977-го. Говорили с Ричардом Спеком, преступником из низов, который попал в заголовки газет в 1966-м, когда расстрелял в общежитии целую группу студенток-медсестер, восемь из которых погибло. Были и другие, не такие известные, но не менее страшные, и они тоже помогли нам понять, как устроена личность человека, главной целью которого в жизни является убивать и причинять страдания другим. Или, как я не раз повторял, *манипулировать, доминировать и контролировать*. Среди них можно перечислить, например, Эда Кемпера – он убил мать, которую ненавидел, в ее собственной постели и отрезал ей голову. Прежде чем набраться храбрости сделать это, он обратил свой гнев на бабушку и деда, а шесть лет спустя напал на шестерых девушек возле студенческого кампуса Калифор-

нийского университета в Санта-Круз. У Джерома Брудоса с детства был фетиш в отношении женской обуви; будучи женатым человеком и отцом двоих детей в Орегоне, он убил четверых женщин и отрезал им ноги и грудь, переодев предварительно в женскую одежду из собственного гардероба. Ричард Маркетт перешел от попыток изнасилования, нападений с отягчающими обстоятельствами и грабежей к убийству и расчленению женщины, с которой познакомился в баре в Портленде, штат Орегон. Выйдя на волю по условно-досрочному освобождению двадцать лет спустя, он убил и расчленил еще двух женщин, после чего снова был схвачен. Какими бы ужасными ни были их преступления, все эти мужчины – они были мужчинами, женщины редко совершают такого рода деяния – могли многому нас научить, если правильно интерпретировать их слова и поступки.

Но одно дело решить, что ты собираешься взять интервью у подобного человека, и совсем другое – встретиться с ним лицом к лицу. Эд Кемпер был двухметровым громилой с весом более ста пятидесяти килограммов. Если бы он захотел – а в какой-то момент он упомянул, что такая мысль его посещала, – то с легкостью мог свернуть мне голову и выставить на стол, как подарок для охраны. Когда мы интервьюировали Артура Бремера в городской тюрьме Балтимора, нам пришлось проходить через внутренний двор, где самые опасные преступники бродили свободно, словно в дантовом аду. Прежде чем нас пускали в подобные исправительные учреждения, нам приходилось сдать служебное оружие и подписать заявление о том, что тюрьма не несет ответственности за нашу безопасность. Если нас возьмут в заложники, выпутываться придется самим. Как выразился Эд Кемпер, у него уже пожизненный срок, так что ему сделают, если он убьет одного из нас – лишат сладкого? Любое наказание было бы малой ценой за возможность похвастаться перед другими заключенными тем, что ты прикончил агента ФБР.

Поэтому, хоть мы и не знали, что получим от проекта, который запускаем, мы очень хорошо представляли себе, во что ввязываемся. Мы совершенствовали и уточняли процедуру опросов. Мы поняли, что если оденемся попроще, то объект расслабится в нашем присутствии быстрее. Я сразу понимал, что преступник выложит мне все, что я хочу знать, когда у него в глазах появлялся особенный огонек или он впадал в подобие транса, словно отделяясь от тела. Преступление – что он сотворил с другим человеком, как подчинил его своей власти и контролю – было самым значимым, эмоциональным и запоминающимся моментом его жизни. Проживая его заново, он снова погружался в те острые чувства и уводил меня за собой во тьму своего разума.

Я хотел понять, какие различия в индивидуальных чертах, преступной изощренности и мотивах привели к тому, что один человек стал, к примеру, грабителем, а второй – серийным убийцей.

Чем больше мы узнавали, тем лучше становились как исследователи. Мы обнаружили, например, что убийцы-параноики избегают контакта глаза в глаза. Убийцы «грандиозного» типа, как Мэнсон, стремятся доминировать, поэтому стараются расположиться выше (Мэнсон сидел на столе), чтобы обращаться к собеседнику сверху вниз. Некоторые просто ищут сочувствия. Как я говорил, надо сдерживать собственные эмоции и играть в их игру. Мы демонстрировали сопереживание людям, которые жаловались на то, что их жизнь пошла под откос, и проливали слезы – собственно, им просто было жаль, что их поймали. Это тоже многому нас научило.

Интервью выявили немало интересных и, на наш взгляд, показательных общих черт, которые прослеживались и при моем дальнейшем взаимодействии с опасными преступниками, когда я составлял их профили, помогал их ловить, допрашивать и судить. Моя теория заключалась в том, что начинать надо с выяснения базовых элементов, которые присутствуют у многих из них. Дальше надо понять, какие различия в индивидуальных чертах, преступной изощренности и *мотивах* привели к тому, что один человек стал, к примеру, грабителем, а второй –

серийным убийцей. Но первым делом я постарался выяснить, что между ними общего: откуда они такие – в буквальном и переносном смысле.

Все они, на том или ином уровне, происходили из неблагоприятной среды. Иногда причины лежали на поверхности: физическое и/или сексуальное насилие; родители или опекуны – алкоголики; постоянные переезды из одной приемной семьи в другую. Из менее очевидного: отсутствие любви и уважения в семье, недостаточная дисциплина, неумение или нежелание ребенка вписываться в окружение. Родители Эда Кемпера, когда он был маленьким, постоянно ругались и дрались, пока не дошло до развода, после которого мать-алкоголичка издевалась над ним, заставляя подростком спать в запертом подвале – она объясняла это тем, что боится, как бы он не причинил вреда сестре. Дэвид Берковиц рос в приемной семье, и ему говорили, что его мать умерла, когда рожала его. Он привык винить себя в ее смерти. Когда позднее он узнал, что его мать и сестра живы, то поехал повидаться с ними, но те не пустили его на порог. Он пришел в отчаяние и со временем превратился в серийного убийцу, которого мы знаем.

Когда позднее, в Академии ФБР, мы начали изучать бэкграунд других жестоких серийных преступников, то выяснили, что они в целом вписываются в модели, которые мы построили на основании наших тюремных интервью. Альберт де Сальво, «бостонский душитель» начала 1960-х, рос с отцом-алкоголиком, который от злости ломал его матери пальцы. Отец регулярно избивал и Альберта, и еще шестерых своих детей, приводил домой проституток. Джон Уэйн Гейси, чикагский строитель, который переодевался клоуном и ходил развлекать больных детей в госпитале, когда не насиловал и не убивал мальчиков и юношей – более тридцати, – регулярно подвергался побоям и унижениям со стороны такого же пьющего отца. Эти примеры можно перечислять до бесконечности.

Почему один мальчик, вырастая, становится насильником и убийцей, другой – террористом или шантажистом, а третий, росший, казалось бы, в той же среде, законопослушным и достойным членом общества – загадка, которую мы постепенно попытаемся разгадать. Но нам удалось обнаружить, что помимо нестабильной, агрессивной или лишенной любви семейной среды, порождающей отсутствие самоуважения и уверенности в себе, большинство преступников на сексуальной почве объединял относительно высокий IQ – гораздо выше, чем у криминальной прослойки в целом.

Тюремные интервью выявили также значительную разницу между типами преступлений, которые внешне кажутся одинаковыми – вспомните о двух кражах, упомянутых в начале главы.

Вот еще один пример: изнасилования и убийства молодых девушек в нашем обществе случаются нередко, и насильник обычно является злобным и агрессивным психопатом. Однако я не могу согласиться с такой поверхностной оценкой. Она не говорит нам, *почему* он совершает преступление, и никак не поможет составить психологический профиль его личности. Поэтому давайте посмотрим на *бихейвиоральные подсказки*, оставляемые на месте преступления.

Во-первых: в каком состоянии было обнаружено тело? Я не имею в виду степень разложения (хотя она тоже многое может сказать), а то, как убийца поступил с трупом. Если причина смерти – ножевые ранения, и они расположены кучно – мы называем это «чрезмерностью», – особенно в области лица, это говорит мне, что убийца, скорее всего, был знаком с жертвой и у преступления имелись личные причины. Это ведет нас к мотиву – к тому самому *почему*. Если тело завернуто в простыню или одеяло, то есть о нем позаботились после смерти, следует вывод, что убийца питал к жертве нежные чувства и, возможно, испытывал угрызения совести. С другой стороны, если тело изуродовано и/или оставлено на виду, например выброшено на обочине дороги, это говорит, что убийца презирал жертву, а может, и всех женщин вообще.

Нам удалось обнаружить, что помимо неблагоприятной семейной среды, порождающей отсутствие самоуважения и уверенности в себе, большинство преступников на сексуальной

почве объединял относительно высокий IQ – гораздо выше, чем у криминальной прослойки в целом.

Откуда я все это знаю? Нет, профайлер – не провидец, просто преступники сами рассказали мне об этом. А после того как слышишь одни и те же истории несколько раз, *сам* можешь их рассказывать. Если жертву изнасилования и убийства оставили лежать на полу, прикрыв простыней, совершенно ясно, что это не попытка спрятать тело, по крайней мере, у здраво-мыслящего преступника. Это попытка вернуть ей человеческое достоинство или физически укрыть от глаз того, кого мучает совесть за преступление. И мне рассказали об этом убийцы, прикрывавшие тела своих жертв.

Один случай подтвердил нашу способность «предсказывать», о чем думает убийца. Я уволился из ФБР пару лет назад и находился на востоке, в одной из тюрем, где разговаривал с осужденным убийцей по просьбе совета по условно-досрочному освобождению. Совет хотел узнать мое мнение: стоит ли выпускать его за хорошее поведение. Насколько мне известно – и своим клиентам я открыто об этом говорю – вопрос совсем в другом: совершит ли он новое преступление, если окажется на свободе? Я провел с тем парнем много времени, чтобы подорвать его сопротивление, заставить говорить правду, чтобы выяснить, к моему собственному удовлетворению (а) осознает ли он, что в действительности совершил, и раскаивается ли; и (б) находит ли он по-прежнему эмоциональное удовлетворение в том, чтобы манипулировать другими людьми, доминировать над ними, контролировать их и решать, жить им или умереть. Все, что он говорил, укладывалось в паттерн, который я слышал множество раз от других мужчин в такой же ситуации – мужчин, чей образ мысли, преступления и мотивацию я изучал больше двух десятилетий. И поэтому, излагая свои соображения совету, я был вполне уверен в том, что они обоснованные. Когда люди, работающие в криминологической или судебной психологии, говорят, что не могут предсказать, возьмется преступник за старое или нет, это означает, что они и правда этого не знают, потому что не проводили непосредственных исследований и не имеют соответствующего опыта. Я не утверждаю, что могу с уверенностью заключить, совершит ли конкретный субъект очередное убийство, если дать ему такую возможность, но совершенно точно могу указать совету на степень риска, который влечет его освобождение.

В ходе исследований мы выяснили, что большинство жестоких преступников объединяют два фактора. Один – это чувство собственного превосходства и величия: правила человеческого общества не для них, они слишком умны или талантливы, чтобы с низов пробиваться наверх или жить в соответствии с принятым укладом. Второй – столь же острое чувство своей несостоятельности, неспособность адаптироваться и страх в очередной раз оказаться неудачником. И поскольку первое чувство обычно лишает их желания учиться, работать, исполнять свой долг – называйте, как хотите, – они обычно не готовы ни к работе, ни к отношениям, которые приносят удовлетворение нормальным людям. И это лишь укрепляет их в статусе неудачника.

Главная мотивация большинства – если не всех – этих ребят, это стремление к власти и контролю, происходящее из детства, проведенного в среде, где они чувствовали себя беспомощными и лишенными контроля. И хотя у многих детей, росших в подобной обстановке, наоборот, развиваются стратегии и навыки адаптации, те, у кого их нет, превращаются в злобных, раздражительных, жестоких взрослых и могут стать преступниками. Нельзя отрицать, что психологические травмы остаются у большинства людей, над которыми в детстве издевались. Но ребенок, который перенаправляет свое раздражение, боль и гнев, например на спорт, – становится популярным игроком школьной команды с целым альбомом газетных вырезок и фотографий, посвященных его достижениям, – вырастет куда более благополучным взрослым, чем тот, у кого не будет такой отдушины и кто попытается утишить свои негативные переживания, заставляя страдать других, например мучая животных, прежде чем перейти к взрослым преступлениям и куда более мрачным вырезкам в альбоме. Способность манипулировать, домини-

ровать, контролировать жертву, решать, жить ей или умереть – и как, – на время устраняет ощущение собственной неполноценности, восстанавливая баланс. Он начинает чувствовать свое превосходство, и это кажется ему полностью оправданным. Иными словами, насилуя и убивая, он восстанавливает порядок в мире.

Вы наверняка заметили, что я все время говорю о мужчинах. По определению, это сексизм, но – тоже по определению – насильники всегда мужчины. И отдел бихейвиоральных наук ФБР и (даже в больше степени) Энн Берджесс с коллегами изучали женщин, выросших в схожей неблагополучной среде, как и мужчины из наших тюремных интервью. Но по каким-то запутанным причинам, женщины не компенсируют свою фрустрацию и психологические травмы таким же агрессивным образом. Они могут причинять себе вред, прибегать к наркотикам или алкоголю, выбирать жестоких мужчин, которые будут «наказывать» их, как они призывали, заниматься проституцией или совершать самоубийства. Они могут даже издеваться над собственными детьми. Но за крайне редким исключением они не становятся чудовищами, как мужчины, и не выплескивают свой эмоциональный или сексуальный гнев на незнакомых людей. Возможно, отчасти это объясняется «складом» мужского и женского мозга или доминированием эстрогена над тестостероном. Но женщины – не хищники и не насильники. Конечно, хотя наши рассуждения относительно мотивов относятся к мужчинам, чем лучше женщины понимают их мотивацию, тем лучше могут распознавать угрожающее поведение и справляться с ним.

Здесь я должен сделать замечание, красной нитью проходящее через всю мою карьеру и писательство. Практически у всех мужчин, которых мы опрашивали, имелись психические проблемы того или иного рода. С учетом того, что они натворили, проще всего сказать, что они сумасшедшие. Но сумасшедший – субъективная оценка. В юриспруденции у термина «сумасшествие» имеется специальное определение. С точки зрения людей, работающих в моем отделе содействия расследованиям в Куантико, ключевое слово тут – «выбор». За исключением очень небольшого числа по-настоящему сумасшедших (пребывающих в бреду) индивидуумов, эти люди выбирают, что им делать. Они могут фантазировать о том, как мучают женщин. Могут мечтать, как воплотят эти фантазии в жизнь. Но они не *вынуждены* вести себя подобным образом. Их никто не *заставляет*. Они выбирают поступать так, потому что это приносит им удовлетворение. Я искренне сочувствую всем, над кем в детстве издевались, сексуально домогались и растили без любви. Я понимаю, что у них могут возникать психологические проблемы. Но я не согласен, что в результате эти люди вынуждены охотиться за другими, причинять им боль или убивать – особенно детей и женщин. Мы можем спорить, насколько ответственны за то, кем *являемся*, но в подавляющем большинстве случаев мы совершенно точно ответственны за то, что мы *делаем*.

Так откуда же возникает жестокое поведение?

Переговорив с большим количеством серийных преступников, мы составили так называемую мотивационную модель убийцы на сексуальной почве, организованную в соответствии с различного рода влияниями, средовыми и психологическими, которые определяют дальнейший ход жизни этих мужчин и их превращение в насильников и убийц: факторами, которые обычно ложатся в основу *мотива* для жестоких преступлений. По каждому мы фиксировали, сколько из опрошенных было подвержено воздействию этого фактора и какое поведение возникло у них в результате. Например, около 50 процентов – впечатляющая цифра! – из них упоминали, что впервые фантазировали об изнасиловании в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет. По одному этому факту можно сказать, насколько важно раннее вмешательство, если мы хотим не только спасти этих детей, но и, что еще более важно, защитить себя и наших близких от ужасов, которые те могут натворить, если не остановить их вовремя.

Многие дети демонстрируют черты, которые можно назвать антисоциальными, и большинство из них вырастает, как говорится, законопослушными гражданами. Мы в своих интер-

вью искали *поведенческие паттерны*, которые можно увязать с преступлениями, совершенными нашими объектами. Так выяснилось, что мужчины, которых мы изучали, рано – обычно в детстве – начали понимать, что возможность манипулировать другими дает чувство контроля, которого им так не хватает в жизни.

Мужчины, которых мы изучали, в детстве начали понимать, что манипуляции другими дают чувство контроля, которого им не хватает. Затем подключается фантазия о том, как стать успешным, отомстить всем обидчикам. Сексуальные фантазии идут с ней рука об руку.

Следующая стадия, после этого осознания, – фантазия, и мы обнаружили, что она играет гигантскую роль в понимании процессов развития будущего монстра. Сначала это фантазия о том, как он преодолеет свои нынешние проблемы: боль и неудачи. Она, естественно, включает в себя мысли о том, как стать успешным и отомстить всем, кто, по его мнению, издевался над ним, презирал или просто не выказывал достаточного уважения. Сексуальное вождение идет с ней рука об руку. Мы совершенно точно установили, что в любых преступлениях на сексуальной почве фантазия предшествует реальным действиям. Поэтому если кто-то уже в двенадцать лет фантазирует об изнасиловании, можете представить, куда это с возрастом его заведет.

Вы, наверное, уже запомнили, что преступление может не выглядеть как совершенное на сексуальной почве, но все равно основываться на эротической фантазии. Поджоги и терроризм – в которых нет прямой увязки между нападающим и жертвой – являются тем не менее извращенным сексуальным проявлением. Дэвид Берковиц, выслеживавший любовников на улицах Нью-Йорка, который всегда искал парочки, запершиеся в машинах, и расстреливал их из своего полуавтоматического пистолета 44-го калибра, рассказывал мне, что по ночам, когда ему не попадались подходящие жертвы, мог возвращаться на места предыдущих преступлений и мастурбировать, вспоминая эротическое напряжение и чувство собственного всемогущества, охватывавшее его, когда он спускал курок своего «бульдога».

Сексуальные фантазии, о которых нам рассказывали наши заключенные, могли быть разными, но в большинстве своем касались жестокости, садомазохизма, связывания и прочих сценариев с доминированием и контролем. Как ранний индикатор, 79 процентов мужчин в наших исследованиях упоминали о так называемой навязчивой мастурбации, 72 – об эпизодах вуайеризма, а 81 – о страстном увлечении порнографией.

При упоминании о порнографии неизбежно встает вопрос причины и следствия. Незадолго до казни в 1989 году во Флориде Тед Банди дал интервью, в котором обвинял в своих проблемах (то есть похищениях и убийствах красивых молодых девушек по всей стране, от Вашингтона до Флориды) раннее увлечение порнографией. Провоцирует ли доступ к порнографии, особенно жестокой, мужчину на совершение агрессивных сексуальных действий? Или же мужчина, заранее мотивированный, просто естественным образом склоняется к таким материалам? Четкого и доказанного ответа на этот вопрос нет, но я могу сделать некоторые обоснованные выводы, исходя из своего опыта и знакомства с жестокими преступниками.

Во-первых, думаю ли я, что *без порнографии* Тед Банди не стал бы серийным убийцей? Ответ однозначный – нет. Это всего лишь попытка переложить вину за свои преступления на кого-нибудь или что-нибудь еще. Банди делал то, что делал, потому что *хотел*; потому что это приносило ему удовлетворение и заставляло чувствовать себя лучше, чем когда-либо в жизни. И я не придумываю – мы сделали свой вывод на основании множества интервью с ему подобными.

Поэтому я считаю, что порнография – даже самая жестокая, женоненавистническая, садомазохистская – не превратит нормального мужчину в сексуального хищника. Но мы обнаружили, что индивидуумы, склонные к подобного рода фантазиям, – те, кого мы опрашивали

на интервью, – разжигали свои страсти такими порнографическими материалами и черпали из них некоторые свои идеи. Мы установили это сначала по интервью, а затем подтвердили, сравнив сценарии, к которым преступники прибегали, с материалами, которые они просматривали. Я не знаю таких мужчин, которые в юности не листали бы эротических журналов или не смотрели порнофильмов, но при этом меня окружают вполне законопослушные граждане – видимо, каким-то образом им удалось все-таки не поддаться влиянию. Старая пословица гласит, что 90 процентов мужчин признаются, что мастурбируют, а остальные десять – лгут. Красным флагом должна являться навязчивая озабоченность, особенно в отсутствие прочих увлечений.

Далее, по словам тех, кого мы опросили, следуют попытки проиграть свою фантазию. Самые популярные способы здесь – мастурбация, вуайеризм, участие в порноиндустрии, но не фетишизм. Диагностический и статистический справочник психических расстройств, четвертое издание, или DSM-IV, Американской ассоциации психиатров гласит, что фетишизм – это переживание сексуальных фантазий или осуществление сексуальных действий с неживыми предметами. И тут будущие убийцы вступают на опасную почву.

Фетишизм в психиатрических кругах считается разновидностью парафилии или расстройства сексуальной ориентации. Парафилий бывает множество – часть из них безобидны и являются, по сути, вопросом предпочтений, но часть может быть смертельной – это педофилия (сексуальные действия по отношению к детям) и сексуальный садизм. Большинство парафилий существует на всем протяжении истории человечества, и фетишизм не исключение. Пожалуй, самым популярным фетишем в современном обществе является женское нижнее белье.

72 процента наших опрошенных в свои юные годы имели некие фетиши. Здесь мы говорим о континууме – я бы сказал, что значительная часть нормального мужского населения Америки заводится при виде черных кружевных трусиков и (в определенном возрасте) черных чулок в сетку. По мнению экспертов-психиатров, в том числе моего друга и коллеги доктора Парка Дитца, увлечение чулками зависит от времени, обстоятельств и особых ассоциаций, возникающих на заре сексуальной жизни, и проходит с возрастом.

И снова тут важно помнить, что мы интервьюировали преступников в поисках общего паттерна их сексуального мышления и поведения. Иными словами, вопрос стоял так: фетиш заводит вас в конкретный момент или поглощает всю вашу жизнь? И если фетиш с чулками в сетку вполне обычный, то футфетиш, например, встречается уже реже. Сам по себе он тоже вполне безобиден. Но если посмотреть на парня вроде Джерома Брудоса, упомянутого выше, который убивал женщин, отрезал им ноги, а потом обувал в туфли из своей коллекции, – начинаешь понимать, что у подобных фантазий могут быть по-настоящему психопатологические истоки. Различие между детскими фантазиями, подростковым увлечением женскими ножками и мотивацией Джерома Брудоса – вот ключевой момент, который мы будем изучать в этой книге.

Среди других поведенческих моделей и интересов опрошенных упоминались также эксгибиционизм, сексуальные домогательства по телефону и сексуальные контакты с животными. О них упоминало около 25 процентов мужчин. Переодевание в женскую одежду, проституция и фроттаж (получение удовлетворения путем трения о незнакомок в толпе) упомянуло от 10 до 20 процентов. И снова мы возвращаемся к континууму – ни одно из этих поведений само по себе ни о чем не говорит. Но они имеют значение в том смысле, что указывают нам на путь становления жестокого хищника и убийцы.

Помимо сексуальных действий и увлечений мы наблюдаем также внешние проявления необычных способов справляться со стрессорами. В отличие от более адаптированных мужчин – и практически всех женщин, которые, как мы отмечали, скорее интернализуют свои проблемы и фрустрации, – мужчина, вырастающий впоследствии преступником, постепенно

становится агрессивным по отношению к окружающим. Он совершает антиобщественные действия: воровство, поджоги, может красть у родителей и других членов семьи, жестоко обращаться с животными и прогуливать школу. Вне зависимости от степени интеллекта, он может бросить учебу и употреблять наркотики и алкоголь, чтобы справляться со стрессом. Он действует импульсивно, не учитывая последствий своих поступков – ни для себя, ни для других. Постепенно у него возникает ощущение оторванности от своих близких и от общества в целом, которым он в дальнейшем будет оправдывать свои преступления.

Так какая же разница между парнишкой, обворовавшим мой гараж, и будущим чудовищем? Для некоторых подростков достаточно одного печального опыта, чтобы испугаться навсегда, а вот второй наш парень быстро понимает, что агрессивное поведение возбуждает его и приносит удовлетворение, оно доставляет удовольствие, и поэтому вместо стыда и угрызений совести за свои поступки он испытывает желание их повторить. Этот эффект называется «фильтром обратной связи». Он совершает все больше поступков, приносящих ощущение свободы и всевластия, избавляясь от того, что может ему препятствовать. Находит такие сферы и ситуации, где может доминировать над другими и контролировать их. И учится на собственном опыте, совершенствуя свою технику, чтобы избежать наказания. Он узнает, как добиться успеха. А чем больше успех, тем теснее становится петля.

Вот почему фетиши и прочие парафилии, о которых упоминалось выше, постепенно становятся все более опасными. Субъект начинает понимать, что приносит ему удовольствие, и происходит эскалация. Подросток, начавший с вуайеризма, может перейти к краже вещей у женщин, за которыми подсматривает. Как только он привыкнет вламываться в дома и научится скрываться безнаказанным, то переходит к изнасилованиям. Когда однажды он поймет, что жертва может его опознать, если он ничего не предпримет, то изнасилование превратится в убийство. А если потом он почувствует, что убийство доставляет ему еще более острое наслаждение, ощущение всевластия и удовлетворение, что оно означает новую степень контроля, то преступления продолжатся. Примерно так получилось у Джерома Брудоса.

Я ни в коем случае не хочу сказать, что любой, кто подглядывает за соседками, заканчивает жизнь серийным убийцей. Но я говорю, что если изучить наиболее жестоких преступников, действовавших на сексуальной почве, то мы практически во всех случаях обнаружим эскалацию – от относительно безобидного начала.

Фетиши постепенно становятся все более опасными. Подросток, начавший с вуайеризма, может перейти к краже вещей у женщин. Как только он научится скрываться, то переходит к изнасилованиям. Если он поймет, что жертва может его опознать, изнасилование превратится в убийство.

С какими же еще подсказками мы должны работать? Точно так же, как мы стараемся понять, почему взрослый преступник совершил то или иное правонарушение, нам следует разобраться в мотивах молодых, развивающихся антисоциальных личностей.

Существует три подростковых отклонения, которые вместе называют «триадой убийцы»: энурез (ночное мочеиспускание в постель) после детского возраста, поджигательство и жестокое обращение с животными и/или младшими детьми. Конечно, не каждый мальчик, демонстрирующий подобное поведение, обязательно вырастет убийцей, но сочетание всех трех встречалось в наших исследованиях настолько часто, что мы начали считать, что паттерн (но не случайные эпизоды) из двух должен заставить задуматься родителей и учителей.

Оценивать надо в комплексе. Если перед вами шести- или семилетний мальчишка, который регулярно поджигает муравьев у дорожки с помощью лупы, но растет в благополучной семье и не демонстрирует никаких других симптомов, достаточно будет просто родительского вмешательства. Если он регулярно писает в постель, но в остальном ведет себя нормально,

то его следует отправить на осмотр к врачу, и если тот скажет, что на физиологическом уровне все нормально, поработать с проблемой отдельно. Но если эти факторы наблюдаются вместе, он пристаёт к младшим детям, обижает и задирает их, если он агрессивен с братьями и сестрами или у него нет друзей, если он играет со спичками, а от муравьёв переходит к собакам и кошкам или хомякам, тут точно имеется проблема: перед вами зачатки социопатического поведения, которое само по себе не пройдет. Вряд ли это «просто такой этап».

Учителя со своей стороны могут дополнить картину. Помимо травли и агрессивного поведения в школе, они упомянут, скорее всего, что он умен, но не усидчив. У него нет мотивации к учебе. На самом деле мотивация есть, просто она направлена не туда, куда учителям бы хотелось.

Когда я даю интервью или выступаю перед различными аудиториями по всей стране и упоминаю, что, по моему мнению, серийными убийцами не рождаются, а становятся, мне часто говорят, что некоторые дети – «прирожденные убийцы». Может быть, «дурное семя» все-таки существует? Может ли появиться на свет «исчадие зла»? Вопрос, скорее, из области теологии, а я плохо в ней подкован. На самом деле некоторые дети действительно с ранних лет проявляют большую степень агрессии, чем остальные, хуже контролируют свое поведение и проявляют антисоциальные черты. Это не означает, что они обязательно станут преступниками. Но наши исследования и работы ведущих психологов по всему миру показывают, что если у ребенка имеется подобная предрасположенность, то, добавив к ней неблагоприятную среду и никак не вмешиваясь, мы, скорее всего, получим взрослого, склонного к насилию. Возможно, это одна из причин, по которой из двух или более сыновей в одной семье только один становится преступником и нарушителем закона. Все трое растут в одинаковой обстановке, но один родился более уязвимым, чем другие.

Здесь я хочу остановиться и еще раз повторить то, что считаю очень, очень важным. Тот факт, что я могу объяснить какое-то поведение, не означает, что я его оправдываю. Мы можем понимать, по каким причинам человек стал преступником, но никто не принуждал его причинять другим людям боль. Неблагополучная среда, отсутствие любви или насилие в семье не означают, что человек не может сопротивляться подобным искушениям, и никто не появляется на свет настолько слабовольным, чтобы поддаваться каждому соблазну. В противном случае ловить преступников было бы проще простого – в то время как всех тех, за кем я охотился, поймать было очень нелегко. За три десятилетия службы я не помню ни единого правонарушителя, который так хотел бы совершить жестокое преступление, что сделал это в непосредственном присутствии офицера полиции. Это общепринятая аксиома, которую обычно называют «принцип офицера под боком».

Вернемся к примеру с Дуайтом, рецидивистом из нашего сценария с ограблением в начале главы. Возможно, никто не мог предсказать, что его в конце концов казнят за убийство человека, но теперь, когда вы это читаете, конец уже известен. Он был просто бомбой с часовым механизмом, которая непременно должна была взорваться. Тем не менее его отпустили. Никакая терапия, тюремное заключение и другие влияния, которым его подвергли, не сумели отвести его с пути, который теперь кажется нам единственно возможным. Но данный случай достаточно очевидный. Постепенно мы перейдем к более сложным.

Точно так же, как есть детские индикаторы, указывающие на будущие проблемы, существуют взрослые разновидности поведения – сами по себе не криминальные, – на которые стоит обратить внимание, как стоило обратить внимание на первые шаги Дуайта в преступной деятельности. Я расскажу вам о нескольких делах – во всех был задействован один и тот же фетиш – и покажу, как опытный профайлер может использовать их, чтобы понять мотив преступника и предсказать его будущие действия.

Одной из икон американского общества во второй половине XX века была кукла Барби. Я сам вырастил двух дочерей и привык видеть Барби, разбросанных по дому, в разной степени

обнаженности и разных стадиях разрушения. Поколения девочек выросли на Барби с Кеном и их подружках. Тут нет ничего особенного. Но когда этот символ стиля, гламура и женственности попадает в менее невинные руки, то я проявляю к нему профессиональную заинтересованность.

В конце 1980-х с ФБР связалась фотолаборатория, в которую мужчина под тридцать отдал на проявку серию фотографий: он был снят в камуфляже и позировал в кузове своего внедорожника с куклой Барби, которая выглядела так, словно ее пытали. Лицо он испачкал черной краской; рядом сидела хаски – его собака. На последних фотографиях серии две Барби, блондинка и брюнетка, были обезглавлены и залиты кровью. В полицию мужчина не попадал, да и никаких законов, расчленив куклу, не нарушил, но я сказал, что к нему стоит присмотреться. Тот факт, что он потратил столько усилий, чтобы сделать эти фотографии, подсказывал, что это важный аспект его жизни. Тот факт, что он, взрослый, играл с куклами, говорил, что он плохо адаптируется в среде ровесников. А то, что у него есть машина и охотничье оборудование, указывало на мобильность, финансовый ресурс и наличие оружия, способного причинить серьезный ущерб. Пока что он просто развлекался. Я не думал, что он уже совершил серьезные преступления против женщин. Это просто здравый смысл: ты не возвращаешься от убийств и изнасилований к разыгрыванию садистских сценок с куклами.

Но, как вы помните, мы уже говорили, – фантазии предшествуют преступному акту. Со временем могло случиться так, что куклы перестанут его удовлетворять. Он начнет мечтать о реальном опыте. И когда представится возможность, может воспользоваться ею. Представьте – он в лесу, один, погружен в свою фотосессию, возбужден, и тут мимо пробираются две симпатичные туристки. Подчинившись импульсу, он может воплотить свою фантазию в реальность. Поскольку у него камера, он, скорее всего, снимет свое преступление, чтобы проверить, насколько точно повторил «кукольный» сценарий.

Этот парень меня тревожил. Я чувствовал, что мотивация у него серьезная. Но пока что мы ничего не могли с ним сделать. Я предложил местной полиции держать его в уме: если будет совершено преступление подобного рода, то есть произойдет эскалация, его можно будет проверить как подозреваемого. Но в идеале следовало остановить его до того, как случится нечто серьезное.

Другой парень, втыкавший сотни булавок в голых Барби в психиатрической лечебнице на Среднем Западе, был приспособлен к жизни не лучше первого, но, я бы сказал, не представлял опасности. Он не персонализировал кукол, над которыми издевался, и, на мой взгляд, его действия указывали на проблемы с женщинами-ровесницами. Возможно, он был столь же враждебным, как первый, но не отличался его изощренностью, да к тому же находился в госпитале под наблюдением. Как некоторые поджигатели и террористы, о которых мы будем говорить дальше, он был трусом и одиночкой. У него не было даже собаки!

Так в чем разница их мотивов?

Второй парень выплескивает свою ярость и фрустрацию, наказывая фетиш, о котором он мечтает, но никогда не сможет обладать. (Если бы он делал то же самое с куклой-ребенком, а не куклой-женщиной, я бы пришел к другому заключению.) Первый же, хоть и не перешел к воплощению своих фантазий в реальность, в действительности пытается отомстить за некий реальный или воображаемый ущерб, причиненный женщиной – или женщинами в целом. У себя в голове он уничтожает их всех. Его тяга к манипулированию, доминированию и контролю, если дать ей волю, может легко закончиться убийством.

Вот еще один пример. В середине 1980-х я расследовал случай вымогательства на юге, который передали в ведение ФБР. Мать-одиночка с двумя маленькими детьми получила одно за другим два письма, в которых ее просили – точнее, сначала молили, а потом требовали, – чтобы она сделала семьдесят две черно-белые фотографии себя в обнаженном виде, а пленки оставила в указанном месте в торговом центре. Если она не подчинится, ее детей убьют.

Проанализировав письмо, я подумал, что вымогатель – неадекватный человек, а такие люди обычно наблюдают за жертвой, прежде чем обращаться к ней с требованиями и сообщать, как выполнить их. Он мог владеть персональной информацией о ней, даже устроить слежку. Поэтому, сказал я местным полицейским, он может под каким-либо предлогом явиться к ней домой – например, спросить дорогу.

Если он требует семьдесят две фотографии, причем обязательно черно-белые, добавил я также, велика вероятность, что он собирается проявить их сам.

Получилось так, что когда двое агентов опрашивали женщину, к ее дому подъехал фургон химчистки. Агенты выглянули в окно и увидели мужчину в форме с именной нашивкой на рубашке. Я сказал им присматривать за всеми, кто навещает дом, поскольку вымогатель может тоже так поступить, и они попросили мужчину зайти внутрь. Перепугавшись при виде агентов ФБР, он тут же во всем сознался.

Когда в его доме – он жил один – провели обыск, там нашлись и фотолаборатория, и несколько серий снимков женщин разной степени обнаженности, снятых преимущественно через окно, когда жертва ничего не подозревала. Но были там и другие, черно-белые, сделанные камерой со штатива. На них этот мужчина мучил полненькую девушку-подростка, угрожая ножом. Ближе к концу серии, по мере того как она обнажалась, он становился более «грозным». В конце девушка лежит голая на постели, а он душит ее, замахиваясь второй рукой, словно для пощечины.

Насколько бы тревожно это ни звучало – да и было, в каком-то смысле, – по застывшим позам и деревянным выражениям лица и мужчины, и женщины, становилось ясно, что серия постановочная. Я сразу заподозрил, что он дал девушке деньги, чтобы она разыграла его фантазию вместе с ним.

Оказалось, что жертву вымогательства он выследил, пройдя за ней до ее дома от торгового центра. Это явно был еще один неудачник и одиночка, то есть совсем не тот тип, который может спланировать изнасилование и убийство реальной жертвы – или приблизиться к детям. Но он все равно представляет опасность. Фантазия – сильный мотиватор, и когда мы видим ее эволюцию, то понимаем, что надо принимать меры. Сначала он довольствовался подглядыванием и съемками ничего не подозревающих женщин в их домах. Когда этого стало недостаточно, начал разыгрывать сцены из своих фантазий с подчиняющейся ему партнершей. Дальше стал шантажировать неподчиняющихся. Представим, что затем он перейдет к проникновению в жилища, возможно, ради кражи фетишей-сувениров – например, белья или даже фотографий женщин, сделанных их мужьями и партнерами. И представим, что хозяйка дома вернется в неподходящий момент. Он придет в ужас, испытает мучительный стыд – и эту проблему придется как-то решать. В уме у него уже есть подробный сценарий, что нужно делать. Боже, он даже снял это на пленку – пускай и с платной актрисой. Не надо объяснять, каковы потенциальные риски данной ситуации.

Наконец, встречаются случаи настолько странные, что остается лишь покачать головой, прежде чем как-то соберешься и сможешь оценить, что в действительности ты увидел.

Как-то вечером двое полицейских, патрулировавших район, остановились возле машины, припаркованной на обочине, где парочка предавалась любовным утехам.

– Что случилось, офицер? – спросил мужчина, сидевший за рулем.

– Не стоит здесь этим заниматься, – сурово сказал один из полицейских.

– В каком смысле? – оскорбился мужчина. – Проверьте лучше парня, который припарковался там, дальше. Мы хотели остановиться рядом, пока не увидели, чем он занимается. Он трахал курицу!

– Что? – поразились офицеры.

Следуя указаниям парочки, они проехали вперед и обнаружили того самого парня в машине. Он действительно занимался сексом с курицей – насколько бы невероятным это ни казалось с точки зрения анатомии. Мало того, свои действия он снимал на камеру!

Когда мужчина заметил полицейских, то попытался сделать вид, что ничего не происходит, но те успели все заснять.

Причина, по которой я это знаю, проста – я видел запись. Как и множество других людей. Правильно это или нет, но подобные артефакты живут собственной жизнью. И можете себе представить, как полицейская аудитория – с учетом всех ужасов, которые ей приходится наблюдать, – отнеслась к этим кадрам.

Но хотя эпизод и кажется забавным, на самом деле смеяться тут не над чем. Просмотрев запись, я, конечно, не поверил, что этот человек влюблен в курицу. Он говорит с ней так, словно занимается насильственным, жестоким сексом с женщиной. Думаю, если бы он мог поступить именно так, то не воспользовался бы пернатым суррогатом. Совершенно точно он странный, возможно, даже сумасшедший. У полицейских, однако, не было другого выбора, кроме как оштрафовать его за нарушение порядка. Единственным обвинением, которое ему можно было предъявить, являлось жестокое обращение с животными и обнажение в общественном месте. Но фантазия явно его мотивировала, и я задумался о том, сколько времени пройдет, прежде чем курица, как и куклы Барби у другого парня, перестанет его удовлетворять.

В моем отделе в Куантико мы часто принимаем участие в анализе и расследованиях так называемых преступлений без мотива. И как бы сильно нам ни хотелось помочь, мы всегда указываем на то, что в действительности таковых не бывает. У каждого преступления есть мотив. Наша работа заключается в том, чтобы понять, что происходит в головах у людей, совершающих подобные преступления, и тогда *почему* неизбежно укажет на *кто*.

Глава 2. Игры с огнем

Нас не удивляет, когда дети с жестокими, антисоциальными тенденциями плохо обращаются с животными или младшими детьми. Неудивительно и то, что такие дети могут мочиться в постель по ночам, поскольку все, что мы о них знаем, указывает на лежащую в основе их поведения фрустрацию из-за отсутствия контроля. Но третья часть «триады убийцы» является самой загадочной для всех, кто пытается исследовать закоулки преступного ума. Что такого есть в поджигательстве, что привлекает так много будущих монстров? Все люди разные, и восьмилетний мальчишка, нажимающий кнопку пожарной сигнализации, обращается к нам отнюдь не с тем же посланием, как шестнадцатилетний, хотя мотивация и может быть схожей. Но с самого начала службы я сознавал, что если мы хотим понять этих людей, нам надо разобраться с этой, весьма значительной, составляющей процесса их развития.

Мне довелось выслушать немало историй о поджигательстве в начале нашей программы тюремных интервью. Дэвид Берковиц, самопровозглашенный «Сын Сэма», устроил более двух тысяч пожаров в Нью-Йорке, прежде чем превратиться в серийного убийцу. Этот факт зафиксирован в его личном деле. Он являлся, как мы это называем, фетишистом-поджигателем, а для полиции – поджигателем, нарушающим общественный порядок, поскольку устраивал пожары в мусорных баках или на заброшенных свалках и в зданиях, преимущественно в Квинсе и Бруклине, а затем наблюдал, как пожарные бригады приезжают их тушить. Он вел тщательную опись своих преступлений, фиксируя даже средства, которыми разжигал огонь, и погодные условия – например, дул ли ветер, способствующий распространению пламени.

Часто, наблюдая за пожаром – Берковиц рассказал нам это сам, когда мы интервьюировали его в «Аттике», – он стоял неподалеку и мастурбировал; соответственно, поджог являлся для него преступлением на сексуальной почве. Он много говорил о мастурбации, и я спросил его, была ли она для него проблемой – такой вопрос имеется в нашем опроснике.

– Да, – ответил он.

– И остается по сей день? – поинтересовался я.

– Да, по сей день.

Причем по многу раз. Он сказал, что не может достичь удовлетворения, хоть и получает во время мастурбации множественные оргазмы. Я тут же начал вспоминать, что произошло с момента моего входа в тюремную камеру для допросов. Первое, что я сделал, – это пожал ему руку! Я не мог дождаться момента, чтобы пойти вымыть руки, но знал, что мне предстоит еще многочасовое интервью.

Когда я начал отмечать связь между поджигательством и сексуальным возбуждением, то стал советовать детективам требовать от полицейских фотографов, чтобы они снимали толпу на подозрительных пожарах, а затем изучали фотографии. Если какой-то парень там мастурбирует с застывшим выражением на лице, велика вероятность, что это и есть поджигатель.

Однажды я дал этот совет детективу из полиции Нью-Йорка, но тот сказал: «Это может сработать в других местах, Дуглас, а у нас, в Нью-Йорке, таких ребят пруд пруди! Практически на любом серьезном пожаре сразу несколько мастурбирует, несколько мочится, и куча делает бог знает что еще!»

Однако, вне зависимости от локации, поджигательство – это правонарушение, с которого множество опасных преступников начинает свой криминальный путь, поэтому именно с него мы и начнем.

Как и преступления с выраженным сексуальным мотивом, в частности, изнасилование и изнасилование с убийством, к которым со временем переходят многие правонарушители, поджог – это попытка получить власть и контроль, почувствовать себя успешным. Посмотрите,

кем манипулируют поджигатели: жертвами огня, пожарными, полицией и властями, прессой и даже обществом в целом.

В 1980 году я был в Англии – преподавал профилирование в полицейском колледже Брэмсхилла, примерно в часе езды от Лондона. Брэмсхилл – британский аналог Академии ФБР в Куантико, которая тоже, так совпало, находится в часе езды от Вашингтона. (В Англии меня, однако, поразила всеобщая строгость; учащиеся ходили в форме или дорогих костюмах.) Большая часть материала, который я освещал, базировалась на делах, которые слушатели курса расследовали сами, и одно стало особенно показательным, потому что данные подтвердили мои заключения о раннем развитии, эволюции и мотивации серийных поджигателей.

Питер Джордж Динсдейл родился в 1960 году при весьма мрачных и суровых обстоятельствах. Его мать была проституткой, а сам он появился на свет эпилептиком и с уродством правой руки. Поначалу он жил с бабушкой, пока три года спустя мать с сожителем не вернули себе право опеки над ним. Однако семьи не получилось. В восемь лет Питер устроил пожар в торговом центре, а в одном из позднейших признаний упоминал, что разжигал огонь всякий раз, когда чувствовал «покалывание» в пальцах. При пожаре, инициатором которого он стал в тринадцать лет, погиб человек. Четыре года спустя он поджег дом престарелых, и там погибло одиннадцать стариков.

Другие свойства его характера также прекрасно вписывались в картину. Однажды он поругался с пожилым мужчиной, который заявил, что Динсдейл разгоняет его голубей. Динсдейл вернулся на место ссоры, свернул головы всем голубям и поджег мужчину, задремавшего в кресле, так что тот сгорел до смерти. В девятнадцать лет – и это типично для преступников подобного рода – он сменил имя на Брюс Ли, в честь звезды боевых искусств и киноактера, который являлся его кумиром. На следующий год он поджег дом в Гулле, убив мать с тремя сыновьями. В ходе облавы после пожара он и попался полиции. Ли признал себя виновным по целому списку непреднамеренных убийств и был приговорен к заключению в специализированной лечебнице. Когда его спрашивали о мотиве, Ли отвечал: «Я поклоняюсь огню. Огонь – мой хозяин, вот почему я устраиваю пожары».

Возможно, еще более показательными были слова прокурора, который выступал на суде: «Самое печальное, что это единственное его реальное достижение за всю жизнь».

Одно из моих наиболее интересных дел по серийным поджогам произошло в 1990-х в Сиэтле.

Гас Гэри был агентом из Бюро по расследованию преступлений, связанных с алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (АТО), которое сотрудничало с моим отделом поддержки расследований. У него имелся офис в нашем коридоре без окон, на шестьдесят футов под землей, в Академии. Когда программа профилирования начала приносить результаты и помогать при расследованиях жестоких преступлений – убийств, изнасилований и похищений, – в особенности серийных, мне захотелось подключить к ней и другие наши следственные агентства, в частности секретную службу и АТО.

Специальный агент АТО Дэйн Ветцель прослушал мой курс по серийным поджигателям, и когда в Сиэтле ему попался подходящий случай, решил прибегнуть к профилированию; он направил материалы дела Гасу, а тот передал их в мой отдел. Ветцель сотрудничал с полицейским департаментом Линвуда, Вашингтон, – небольшого пригорода в северной части Сиэтла, где в одно воскресное утро загорелись сразу две церкви. Ветцель некогда работал адвокатом и был очень вдумчивым следователем.

Мы надеялись, что с помощью профилирования поймем, где поджигатель может нанести следующий удар. А если это нам не удастся, то разработаем предупредительную стратегию, чтобы заставить его совершить ошибку. Гас Гэри с самого начала знал, что мы имеем дело с изощренным и опытным преступником.

Первый пожар, который относили к серии, произошел 6 августа 1992 года, когда огонь вспыхнул в нескольких недостроенных домах. Следователи позднее установили, что поджигатель воспользовался карманной зажигалкой и куском рубероида. Когда пожарные отправили туда свои машины, он устроил еще три пожара, чтобы дергать их и «командовать», куда ехать.

Три дня спустя, 9 августа, вспыхнули те самые две церкви – Линвудская церковь Объединения и лютеранская Святой Троицы. Тем же утром загорелся еще один недостроенный дом. Именно тогда к расследованию привлекли Ветцеля. Чуть больше двух недель спустя за три дня сгорело еще две церкви. В День труда загорелось офисное здание. После еще нескольких пожаров – объекты были самые разные, от кондитерской до лесопилки, – 19 сентября преступник поджег жилой дом, где спала семья. Родители с двумя детьми – девятилетним и младенцем – сумели выбраться и спаслись. Это был один из четырех жилых домов, на которые поджигатель совершил покушение в ту ночь.

Проблемой для расследования являлся широкий спектр мишеней. Если кто-то поджигает преимущественно черные баптистские церкви, можно не знать его глубинных мотивов, потому что очевиден поверхностный, и можно сразу использовать профиль, чтобы сузить круг подозреваемых. Но здесь мы имели дело с самыми разными зданиями, и, что самое тревожное, наблюдали эволюцию в его действиях.

Обычно к моменту, когда полицейские и следователи пожарной службы обнаруживают связь между несколькими пожарами, НС (неизвестный субъект) уже далеко заходит в своей серии. Мы предполагали, что он устраивал пожары и ребенком, и подростком, просто никто пока не связал их с нашими случаями.

22 сентября преступник нанес новый удар, еще повысив ставки – на этот раз загорелся дом престарелых «Четыре свободы», и там погибли три пожилые женщины. Сначала пожар считался случайностью, но когда мы изучили паттерн и поняли, что в ту же ночь произошло еще два подобных возгорания, то пришли к выводу о намеренном поджоге. Если это действительно было так и преступление совершил тот же НС, то речь шла уже не о покушении на собственность – мы охотились за убийцей.

Пока пожар в «Четырех свободах» официально не признали поджогом, полиция не могла считать НС убийцей, хотя ущерб, причиненный им, уже достиг десятков миллионов долларов. Была создана специальная следственная группа, возглавляемая Ветцелем и лейтенантом пожарной службы Сиэтла Рэнди Личфилдом. В нее вошли офицеры полиции и пожарной охраны из нескольких юрисдикций, и она получила название «Группа расследования поджогов в Сно-Кинге», поскольку большинство случаев произошло в округах Снохомиш и Кинг. Пожарные организовали бесплатную горячую линию, а полиция подняла в воздух специальный вертолет с инфракрасным оборудованием термического контроля в попытке поймать поджигателя с поличным. Ему присвоили кодовое имя «Спектр» и обещали награду в 25 тысяч долларов за информацию, которая приведет к его аресту.

Предположение о связи пожара в «Четырех свободах» с другими случаями подтвердилось, когда на той же неделе, 28 сентября, загорелся дом престарелых «Андерсон». К счастью, сработала система тушения, пожар удалось сдержать, и у следственной группы появились физические зацепки. Улики указывали на то, что поджигатель снял сетку с окна, забрался внутрь и поджег одну из постелей. На сетке остались два отпечатка, но совпадений в базе не нашлось.

Преступления продолжались весь октябрь, ноябрь и декабрь. В октябре в Линвуде сгорел дом, где спала семья с семью детьми; еще шесть пожаров вспыхнуло той же ночью в пределах зоны первого пожарного подразделения округа Снохомиш. Около трех часов утра соседи восьмидесятилетней Хелен Аллен увидели, что ее дом горит, ворвались внутрь и спасли хозяйку. Всего за четыре часа было зафиксировано двенадцать поджогов.

Однако в ту ночь в расследовании произошел прорыв. Пара в машине заметила, как хорошо одетый мужчина вылез из своего седана и прошел между двух домов, разговаривая по мобильному телефону. Он быстро вернулся и уехал, а спустя несколько минут разгорелся огонь. Пара позвонила в полицию, а потом описала этого мужчину детективам. Лейтенант Личфильд понял, что подозреваемый не пользовался телефоном, а прослушивал полицейский сканер.

2 ноября загорелось еще два склада и жилой дом. В ту же ночь мужчина, возвращавшийся домой из бара, заметил машину (по его описанию полицейские установили, что это был «Крайслер»), которая резко развернулась и съехала в проулок. Пару минут спустя он увидел, как пожарные едут туда же. Свидетель утверждал, что машина выглядела новой и на ней были рекламные наклейки. Под руководством Дэйна Ветцеля детективы обошли все дилерские центры «Крайслер» в округе, а также все рекламные агентства, которые могли изготовить наклейки. Новых улик не появилось.

Следующая информация поступила 17 ноября, когда женщина из телефонной будки заметила почти в ста метрах от Сиэтла мужчину возле строящегося здания. Как и в предыдущих случаях, оттуда вскоре пошел огонь и дым, а мужчина быстро скрылся. Она позвонила в полицию, и те немедленно передали описание машины патрульным, которые заметили такую в близлежащем Кле-Элуме – она въехала на заправку «Эксон». Водитель был хорошо одет и, по мнению полицейского, не походил на поджигателя. Другой свидетель, Бонни Спуррьер, видела мужчину, который вышел из машины и встал рядом с ней, пока она наблюдала за пожарами, тушащими огонь. Его поведение показалось ей подозрительным, и она дала полицейским описание, на основании которого был составлен фоторобот.

В конце ноября загорелся гараж в доме пожилой четы. В декабре подожгли элинг для лодок; пара, которая владела им, жила наверху, и супругам едва удалось спастись. Географические границы, в которых совершались преступления, охватывали около тридцати квадратных миль в окрестностях Такомы. Люди начали организовывать группы наблюдения, им напоминали сообщать о любой подозрительной активности.

Местным следователям тоже удалось кое-что выяснить. Практически все поджоги, которые считались составляющими серии, осуществлялись на уровне от груди до пояса, а не на земле или на полу. Ни один из пожаров не произошел в плохую погоду. Оба эти фактора указывали на то, что преступник любит чистоту. Свидетели упоминали машины традиционных американских марок, уезжавшие с мест происхождения. Машины могли быть служебными, а неизвестный субъект – торговым представителем.

Когда Дейн Ветцель обратился в Куантико и попросил Гаса Гэри и мой отдел принять участие в расследовании, мы рассказали об этом деле на одной из наших регулярных консультаций, где собирается множество агентов, мы садимся за стол, слушаем презентацию, задаем вопросы, подвергаем критике ход следствия и пытаемся разобраться, на что указывает паттерн – иными словами, что можно сказать об эволюции преступлений?

Первое, на что обращаешь внимание в серии поджогов, это цель – выбирает ли преступник жилые здания и есть ли у него повод считать, что в доме люди, когда он его поджигает. Если он выбирает нежилые постройки, то это, скорее, нарушитель порядка, вне зависимости от суммы ущерба. Если же он переходит от нежилых зданий к жилым, мы имеем дело с эскалацией. Жертвы, скорее всего, случайные; в противном случае, имея в голове серию жертв, преступник вряд ли бы долго занимался мелким вредительством. Любой, кто поджигает здание, даже рассчитывая, что внутри никого нет, демонстрирует определенный уровень злости и враждебности к обществу в целом, возможно, за воображаемую несправедливость или просто недостаток внимания. Поджигательство, как любые формы терроризма, это преступление трусов. Им занимаются люди (обычно мужчины), которые хотят нанести удар, но им не хватает смелости – или простых навыков общения, – чтобы встретиться с жертвой лицом к лицу.

В случае с поджогом жертва вообще безлика, бесполой цифра в его голове, а не живое, дышащее человеческое существо.

Мы называем таких преступников «интернализаторами», в отличие от «экстернализаторов». И те, и другие начинают с фантазии. Экстернализатор сразу разыгрывает ее. Для интернализатора – поджигателя или бомбиста – это всегда сложно. Он одиночка, асоциальный тип, привыкший устанавливать эмоциональную и физическую дистанцию между собой и другими. Естественно, строгих правил в нашем деле нет, и интернализатор может стать убийцей или насильником. Но даже в этом случае он выберет жертву, которая меньше его ростом, слабее и/или уязвимее, чем он сам, – человека, с которым не придется общаться на равных. Другой вариант – он будет выбирать жертву и обстоятельства для совершения преступления очень тщательно, чтобы совершить «блицатаку», нейтрализовать жертву, привести ее в бессознательное или беспомощное состояние, и не общаться с ней как с человеческим существом. Я часто говорю, что все преступники-хищники в каком-то смысле трусы. Но интернализаторы самые трусливые из них.

Устраивая по несколько пожаров за ночь, решили мы, неизвестный субъект из Сиэтла демонстрирует властям свое могущество. Мы пришли к выводу, что в его паттерн входит дожидаться, пока пожарные выедут со станции на вызов, а потом устраивать следующий пожар, в окрестностях той же станции, теперь уже пустой.

Если имеешь дело с серией эволюционирующих преступлений, будь то изнасилования, убийства или поджоги, надо искать более ранние случаи – они зачастую указывают на то, где этот парень живет. Это помогает ограничить географию поиска.

Когда о преступнике пишут в прессе, он начинает верить в свое всевластие, которого лишен во всех других аспектах жизни. Поскольку в большинстве случаев он не персонализирует потенциальных жертв, поджигательство в домах, где могут быть люди, является эскалацией его стремления к контролю. Он не испытывает к ним ненависти, но ему нравится решать, кому жить, а кому умереть. Пожары становятся более масштабными и зрелищными, а преступник – более опасным с каждым своим «успехом».

Если имеешь дело с серией эволюционирующих преступлений, будь то изнасилования, убийства или поджоги, надо искать более ранние случаи – они зачастую указывают на то, где этот парень живет. Это помогает ограничить географию поиска.

В самом начале преступники оперируют в пределах своей «зоны комфорта», то есть поблизости от места жительства или работы. Они должны быть уверены, что знают территорию, все пути к отступлению, могут смешаться с толпой на улице и укрыться дома или в другом безопасном месте, ну и выпутаться из неприятностей, если придется. После первых «успехов» им начинает казаться, что они знают, что делают, и преступления становятся изощреннее. Уверенность в себе и в своей власти растет, и они могут уходить от зоны комфорта все дальше и дальше. Вот почему так важен анализ их ранних преступлений.

Местный следователь АТО заметил, что при первых пожарах НС использовал материалы, которые находил на месте, строил из них шалашик и поджигал карманной зажигалкой. Следователь назвал это «сигнатурой» – особенностью, по которой его можно распознавать. У себя в Куантико мы используем термин «модус операнди». Модус операнди, или МО, это именно то, чем кажется, – способ совершения преступления, поэтому он обычно динамичен. Он меняется по мере того, как преступник учится и совершенствуется в том, что делает. Если вы грабите банк, наставляя на кассира пистолет, то пистолет – ваш модус операнди. С другой стороны, настоящая сигнатура – это аспект преступления, который приносит преступнику эмоциональное удовлетворение, поэтому он, как правило, остается неизменным. Пытка, например, это практически всегда сигнатура. Не важно, какое преступление человек совершает, ему не надо

пытать жертву, чтобы избавиться от нее. Он делает это из собственных садистических потребностей. Поэтому, если преступник использует пистолет, чтобы запугать жертву, а потом пытается ее, у вас есть и МО, и сигнатура. Важно понимать разницу между тем и другим, потому что мы будем возвращаться к ним еще не раз. МО меняется по мере обретения преступником опыта и искушенности. Сигнатура – устойчивый элемент, связанный с личностью НС и его мотивом.

Сигнатурой поджигателя может быть выбор цели или целей, но в Сиэтле преступник, похоже, таковой не имел, и это никуда нас не вело. Если бы, помимо поджогов, он, например, мочился бы на пол, совершал акты вандализма или что-нибудь крал – особенно предметы фетиша, – это считалось бы его сигнатурой и могло бы нам помочь. Единственное, от чего мы пока отталкивались – количество преступлений и эскалация проявлений власти.

Однако мы были уверены, что сможем составить профиль, базирясь на анализе Гаса Гэри и собственном опыте работы с подобным типом преступников. Свидетели описывали его как белого мужчину около тридцати лет, и это было неудивительно. Поджигательство – преступление преимущественно белых мужчин. Чернокожие, испанцы и азиаты совершают его очень редко, по крайней мере, в нашей стране. Базирясь на эволюционном процессе, этому парню могло быть от двадцати пяти до тридцати пяти лет, раз он успел стать таким изощренным поджигателем. Он наверняка проявлял интерес к огню, в том числе в детстве, когда мог разжигать костры рядом с домом. Ребенком он мог жестоко обращаться с животными и/или другими людьми, возможно, мочился в постель. Полицейский сканер тоже меня не удивил: он вполне мог играть с мыслью стать профессионалом, полицейским или пожарным, но его кандидатуру отвергли по той или иной причине, что добавило фрустрации в его жизнь. Люди подобного типа часто становятся членами добровольных пожарных бригад или помощниками полиции, стремясь хотя бы отчасти ощутить свою власть. В эмоциональном плане он одиночка, у которого не ладятся отношения с женщинами. Это тоже тянется из детства. В школе у него было мало друзей, а одноклассники считали его странным. Учителя описали бы его как плохо влияющего на других детей и недостаточного усердного ученика, который не раскрыл свой потенциал.

Чтобы как-то компенсировать низкую самооценку, он может уделять большое внимание своему внешнему виду и всегда держать лицо. Если на эту внешнюю сторону кто-то покушается, он может взорваться. Люди, с которыми он работает или общается, могут замечать, что он впадает в ярость при малейшей провокации. Он перекладывает вину на других и никогда не видит или не хочет признавать своих ошибок. Мы добавили также, что он может проявлять интерес к жесткому порно, особенно со связыванием и другими формами контроля.

Если свидетельские показания достаточно точны, то у него хорошая работа, благодаря которой он может себе позволить дорогую одежду. У него новая машина, он может ездить и обладает достаточными средствами. Его никак не назовешь жалким неудачником, но его главная проблема – низкая самооценка. Вне зависимости от внешних обстоятельств жизни, он чувствует контроль только в моменты, когда понапрасну расходует общественные ресурсы и нагоняет страх на местных жителей. Высокая степень организации поджогов указывает на то, что он осматривает место преступления заранее, днем, а ночью ненадолго возвращается и устраивает пожар. Это еще один аргумент в пользу предположительной работы торговым представителем, потому что он переезжает с места на место и не отчитывается о своих перемещениях в течение дня. Он не пропускал работу и не вызвал подозрений, но умудрился провести достаточно разведывательных операций, чтобы устроить больше сотни пожаров.

Возможно, у него имеется триггер – травма, которая привела к этому раунду поджогов; два наиболее популярных варианта тут – потеря работы или расставание с возлюбленной. Что касается поведения, окружающие могли заметить озабоченность репортажами в прессе и по телевидению, касающимися пожаров. Она идет рука об руку с его стремлением манипу-

ликовать властями, контролировать общественные институты. Внимание прессы – это награда за его деятельность. Однако она вызывает у него стресс. В прошлом он мог злоупотреблять алкоголем или наркотиками, и сейчас, скорее всего, вернулся к старым привычкам. Теперь, когда его подогревает сознание преследования, он может искать предлог, чтобы покинуть город, и этот предлог, скорее всего, подвернется очень быстро, потому что – опять же, судя по криминологическим и бихейвиоральным подсказкам, – он может работать торговым представителем. Он ездит на машине, похожей на служебную; кроме того, многие серийные преступники выбирают профессии, позволяющие ездить в одиночку на дальние расстояния. Мы выяснили в ходе исследований, что сидя ночью за рулем, они чувствуют себя охотниками. И по мере того, как круг сжимается, окружающие могут заметить у нашего НС заметное ухудшение эмоционального состояния.

Теперь у следственной группы имелись четкие представления о МО поджигателя, его фоторобот, общее описание машины и профиль, который Гас переслал из Куантико. На следующем этапе мы с Гасом встретились у меня в кабинете, чтобы решить, какие дать рекомендации для последующего использования этой информации.

Профиль составляется прежде всего, чтобы помочь полиции сузить круг подозреваемых и направить ресурсы туда, где они пригодятся больше. Но при определенных обстоятельствах его можно использовать в целях профилактики: привлечь общественность к раскрытию преступления. Как вы увидите дальше – особенно это касается бомбистов, – преступники подобного рода практически неизбежно демонстрируют поведение, которое может указать их окружению на причастность к происходящему. Если эти люди осознают, что они видят, поймут, как это можно истолковать, и решат вмешаться, вы раскроете преступление и положите серии конец.

Именно так мы решили действовать в Сиэтле. 27 января 1993 года следственная группа Сно-Кинг провела пресс-конференцию, на которой представила фоторобот преступника и изложила часть его поведенческого профиля.

– У него низкая самооценка, – сказал Дэйн Ветцель, – и он может происходить из неблагополучной семьи. Есть признаки психического заболевания, возможно, шизофрении, но могут иметься и просто эмоциональные проблемы.

Дальше Ветцель добавил:

– Он получает большое удовольствие и заряжается энергией, когда устраивает пожары.

Пресс-конференция продолжалась; следователи рассказали, что в прошлом июле преступник мог пережить психологическую травму.

– Вы можете его знать. Обращайтесь к нам, – закончил Рэнди Личфилд.

Бен Келлер, двадцатидвухлетний студент из Университета Пасифик в Сиэтле, смотрел новости по телевизору, и чем больше он слышал, тем сильнее становилась его тревога. И фоторобот, и поведенческий профиль очень подходили его брату, Полу Кеннету Келлеру, торговому представителю рекламного агентства их отца. На следующий день он позвонил сестре, Рут Уэйкер, которая работала в том же агентстве; ее муж, Престон, был заместителем шерифа округа Снохомиш. Бен попросил ее проверить чеки Пола с заправочных станций – не окажется ли там одного из Кле-Элума, от 17 ноября. *Да*, последовал ответ Рут.

В тот же день их родители, Джордж и Маргарет Келлер, прочли отчет о пресс-конференции в «Эверетт-Геральд». Заголовок статьи гласил: *Вы можете его знать*. Их тоже поразило сходство сына, Пола, с полицейским фотороботом, и еще больше – с поведенческим профилем. Полу было двадцать семь лет, он находился в разводе. В июле 1992-го он действительно пережил эмоциональное потрясение, когда признал себя банкротом – Джордж характеризовал это как «его личный провал». Пол очень заботился о своей внешности, с ранних лет проявлял интерес к пожарам, дважды подавал заявку в добровольную пожарную команду и был отвергнут. Он прекрасно знал расположение всех пожарных станций в Сиэтле.

Джордж Келлер набрался мужества и в тот же день явился в пожарную службу Эверетта переговорить со следователем Уорреном Бернсом. Именно на это мы и надеялись – всегда есть человек, у которого имеются недостающие фрагменты головоломки. Бернс, в свою очередь, связался со следственной группой Сно-Кинг и направил старшего Келлера к Ветцелю и Личфилду. В заявлении, которое мне переслали, Джордж Келлер описывал причины своего беспокойства и сообщал следствию, что Пол в детстве испытывал эмоциональные проблемы и был однажды пойман за попыткой устроить пожар в пустующем доме по соседству – ему тогда было восемь или девять лет. Его ловили на кражах из магазинов, он дразнил брата и сестру и устраивал родителям скандалы. Работал сторожем в одной компании в Эверетте, но его уволили пять или шесть лет назад, после того как в офисе случился пожар при подозрительных обстоятельствах. Прояснился и вопрос с автомобилем. Пол ездил на новой машине завода «Крайслер», но на самом деле это был «Додж». Свидетели, видевшие рекламу «Крайслера», просто ошиблись. На самом деле рекламное агентство Келлеров взяло машину в аренду у одного из клиентов и оклеило пленкой.

Джордж Келлер и следователи ничего не стали сообщать Полу. Но следственная группа начала разрабатывать его как подозреваемого, при полном – и весьма похвальном – сотрудничестве Джорджа. Проверка местонахождения его мобильного телефона подтвердила, что он неоднократно оказывался на местах недавних пожаров. Когда свидетели видели, что он говорит по телефону, полиция решила, что это был сканер, хотя, вероятно, он держал в руках и то, и другое. Пол также рассказывал отцу, что наблюдал за тем, как сгорело несколько домов. Все это уже само по себе выглядело подозрительно.

Информация, предоставленная следственной группой Джорджем Келлером, оказалась очень полезной и больше всего впечатлила нас, в Куантико. Он рассказал, что годом ранее купил для семейного агентства дорогую камеру, которую Пол попросил для осуществления своего личного проекта – поездок по штату Вашингтон в поисках хороших кадров с двумя предметами его страсти: поездами и пожарными машинами. Он любил показывать снимки отцу, но когда подробности деятельности поджигателя выплыли наружу, перестал это делать. Джордж сказал, что это было очень нехарактерно для его сына.

Пол был агрессивным водителем, часто царапал и разбивал машины и регулярно получал штрафы за нарушение правил и превышение скорости. Помимо увлечения пожарными станциями и прослушивания радиоволн экстренных служб, он всегда возил на заднем сиденье ярко-желтый служебный жилет. Когда Пол узнавал по сканеру о серьезном пожаре, рассказывал Джордж, то немедленно бросался туда. Многие друзья и члены семьи говорили, что видели его на разных пожарах, и по крайней мере в одном случае он едва не сбил пешехода, пытаясь подъехать поближе к месту происшествия.

Описание Джорджа Келлера подтверждало сходство Пола с преступником из нашего профиля, и он отлично вписывался в поведенческую модель. Джордж рассказал, что его сын страдает от крайне низкой самооценки, несмотря на развитый интеллект. Пол хорошо одевается на работе и дома, следит за прической и усами – прямо-таки помешан на них, – но часто пренебрегает базовыми гигиеническими процедурами, например чисткой зубов.

Пол остро реагирует на все, что может сказаться на его имидже в глазах других, и, если происходит ситуация, в которой он не выглядит идеальным, немедленно впадает в ярость и набрасывается с ругательствами на всех вокруг. Затем так же моментально его состояние меняется, и он становится очаровательным. Несмотря на проблемы с гневом, он очень душевный и ласковый, особенно со стариками. И даже поет в церковном хоре.

С ранних лет Пол был изощренным лгуном. Он рос гиперактивным ребенком и мог выказывать признаки неадекватности, – например, смеялся, когда другой малыш рядом падал и ударялся. Он насмехался над братом и сестрой, даже издевался над ними. Однажды Пол разбросал на полу мячики для гольфа, а потом сделал так, чтобы годовалый Бен прошел по ним. Тот

сломал ногу и долгое время пролежал в гипсе. Часто, возвращаясь домой, Джордж заставлял Маргарет в слезах – она не могла справиться с сыном. Никакие разговоры и наказания не оказывали на него эффекта. Он как будто не замечал своих проблем с поведением. Вместо этого Пол упрекал родителей в том, что они якобы больше любят Бена и Рут. Хотя, по словам Джорджа, со временем Пол научился себя вести, он до сих пор постоянно пререкался и ссорился с братом и сестрой. Все вокруг были неправы – только не он.

В школе Пол был одиночкой и ни с кем не дружил. Ни одной девушки у него Джордж тоже не мог вспомнить. Несмотря на острый ум, учился он плохо. В классе держался особняком и открыто высмеивал других детей. А однажды воткнул ручку в спину ученика, который сидел перед ним.

Келлеры пробовали обращаться к психологу, но это не помогло. Они отправили Пола на исправительную программу для трудных подростков, но его оттуда отослали из-за случая тяжелой аллергии.

Поджигательством он увлекался с восьми или девяти лет. Жестокое обращение с братом и сестрой, а также другими детьми, началось еще раньше. Это были две составляющие «триады убийцы». Другие подробности оказались в равной мере любопытными и предсказуемыми, с учетом составленного профиля. Пол не захотел поступать в колледж и после старшей школы устроился работать в охранную компанию на севере Сиэтла. Он очень гордился своей формой и машиной с мигалками. Однако лишился этой работы и нескольких последующих, потому что не мог найти с коллегами общего языка. После этого он и оказался на должности сторожа в компании «Лайт Райдер», офис которой через какое-то время при загадочных обстоятельствах сгорел.

С будущей женой Пол познакомился в церкви летом 1989 года и сразу решил жениться на ней, хотя у него и не было опыта с женщинами. Ее дядя работал на пожарной станции Эверетта. Однако вскоре после медового месяца Пол сказал отцу, что совершил ошибку. Через два года они развелись, и он снова почувствовал себя совсем одиноким.

Джордж взял его в семейный бизнес, и Пол проявил себя успешным торговым представителем, но вспышки гнева по-прежнему представляли проблему. Все зашло так далеко, что в августе 1992-го Джордж официально уведомил сына, что если тот не обратится к консультанту по контролю гнева, то потеряет работу. Маргарет поддерживала Джорджа и сказала об этом Полу в одном весьма напряженном телефонном разговоре. Возможно, это и стало триггером для серии пожаров. Время точно совпадало.

Теперь, имея профиль и личную историю подозреваемого, мы должны были задать себе главный вопрос этой книги – *почему?* Мистер и миссис Келлер выглядели порядочными людьми и заботливыми родителями, и двое из их троих детей отлично устроились в жизни. Однако, изучив раннее детство Пола, мы выявили одну травму, которая могла повлиять на его дальнейшее развитие.

Вскоре после рождения в Центральном госпитале Эверетта мать Маргарет заметила, что младенец весь покрыт кровью. Оказалось, что у него преждевременно отвалилась пуповина и началось кровотечение. Срочная операция спасла ему жизнь, но дальнейшая гиперактивность могла стать следствием тех событий. Лечение у специалистов в течение многих лет и прием разных препаратов на Пола никак не повлияли.

Могло ли то медицинское вмешательство стать причиной возникновения у Пола страстной тяги к контролю, которая привела в дальнейшем к враждебности и асоциальному поведению? Я не знаю. Никто не может этого сказать, но мы продолжаем исследования по данному вопросу. Ясно одно – несмотря на все усилия родителей, этот ребенок не ладил с окружением и не мог контролировать свою фрустрацию и гнев. Безусловно, он испытывал проблемы с подавлением своих желаний, но делал то, что делал, вполне осознанно. Думаю, важной подсказкой тут являются слова его отца, что Пол мог мгновенно переключаться с гнева на обая-

ние. Причина, по которой он вел себя так, как вел, и делал то, что делал, – или, если хотите, мотив, – заключалась в том, что он избавлялся от фрустрации и гнева, достигая определенного удовлетворения, которого ничто другое не могло ему принести.

Конфиденциальное изучение биографии Пола Келлера выявило и другие подробности, вписывающиеся в профиль преступника подобного типа. Он проводил много времени и тратил кучу денег в барах, массажных салонах и магазинах для взрослых, крепко выпивал и употреблял наркотики – что и привело к процедуре банкротства. Но несмотря на это и его личную историю следователи пока не обнаружили доказательств причастности Пола к преступлениям. Без признания самого подозреваемого доказать его вину было невозможно. Поэтому мы работали для следственной группы стратегию, которая могла сработать.

Как мы предсказали, Джордж и Маргарет Келлер замечали ухудшение эмоционального состояния сына – вплоть до такой степени, что опасались, как бы он не попытался покончить с собой. Также, как мы предсказали, 5 февраля 1993 года он сообщил отцу, что собирается поехать в Калифорнию к женщине, с которой недавно познакомился. Следователям надо было торопиться.

Члены следственной группы Сно-Кинг арестовали Пола Келлера около 6:30 утра 6 февраля 1993 года в его доме в Линвуде. Хотя они и были уверены, что он устроил около сотни пожаров, арестовать его пришлось за три, по которым имелись улики: это были поджоги склада и жилого дома 2 ноября 1992-го и еще одного склада в день Нового года.

Они привезли Пола в свою штаб-квартиру с полицейским конвоем, сиренами и мигалками. Иными словами, показали, насколько он значимая персона – в его понимании. В здании шериф округа Рик Истман встретил его в своей парадной форме, которую обычно надевал только на официальных похоронах. Как я часто советовал в прошлом, место для допроса специально подготовили и обставили для максимального эффекта. Там стояли маркерные доски с вырезками из газет, рядом висели фотографии Пола и табличка, на которой было написано «Опознан».

Но ключевым элементом, на который мы указали, являлось присутствие отца Пола на допросе. Если кто и был для преступника авторитетом, так это его отец. Джордж встретил сына в комнате для допросов и обнял его. Потом сказал нечто вроде «все кончено, сынок, они знают, что произошло, поэтому расскажи им правду». Мы подумали, что если Келлер решит, что от отца больше ничего не надо скрывать, то ему будет легче признаться и следователям.

Следующим шагом было выражение следственной группой восхищения тем, как блестяще Пол проворачивал свои дела – какой он выдающийся поджигатель. Им следовало максимально умалить роль полиции в расследовании. Стратегия сработала. Сначала Пол признался в нескольких пожарах из списка следственной группы. Потом постепенно, в течение еще нескольких часов, излагал все больше деталей и сознавался в других поджогах. Он говорил, что не гордится тем, что натворил, и просил не сажать его в тюрьму. Он обвинял во всем алкоголь, а еще говорил, что владельцы домов сами виноваты – не надо было разбрасывать горючие материалы. Можете представить, что я об этом думал: это как насильник, оправдывающийся тем, что жертва сама напросилась.

– Я не тот парень, которого надо посадить в тюрьму, – повторял Келлер в ходе признания, – но можете, например, забрать мою страховку, чтобы компенсировать ущерб.

Месяц спустя Пол Кеннет Келлер был официально признан виновным в тридцати двух поджогах и сам сознался, что устроил еще сорок пять пожаров. Судья Верховного суда округа Снохомиш Кэтрин Трамбулл приговорила его к тюремному заключению сроком на семьдесят пять лет. Позднее, когда удалось доказать его причастность к пожару в доме престарелых «Четыре свободы», в котором погибли три женщины, его приговорили к дополнительным (но уже излишним) девяноста девяти годам тюрьмы – приговор на этот раз вынес судья Верховного суда округа Кинг Джим Бейтс.

Когда преступник уверяет, что не хотел причинять боль и убивать, это означает на самом деле, что он настолько деперсонализировал своих потенциальных жертв, что их вероятная смерть не представляла для него проблемы.

«Совершенно ясно, что Полу Келлеру нельзя находиться на свободе», – сказал на заседании Крейг Петерсон, прокурор. Хотелось бы мне, чтобы все, от кого зависят решения, думали так, как Петерсон, – и не только с точки зрения преступления и наказания, но и из более реальных соображений безопасности, потому что таким парням и правда не место среди нормальных людей.

Когда его приговорили в первый раз, Пол Келлер постепенно начал осознавать свою ответственность за то, что натворил, и зачитал перед судом следующее письмо:

«Я не отрицаю своих действий и всей их серьезности, – читал он, обращаясь к жертвам, – но из ваших выступлений могу сделать вывод, что, по вашему мнению, хотел причинять ущерб и убивать. Это крайне далеко от истины. Мои внутренние противоречия теперь выявлены и диагностированы». Он продолжал: «Разочарование в себе – а не в вас – длиной в целую жизнь привело к этим поступкам».

И далее: «Я приношу свои извинения пожарному департаменту и полиции. Десятки, если не сотни из вас знали меня как человека, чей интерес к огню и службам спасения был исключительно законным. Я никогда не пытался его извратить. Мне очень жаль, что я заставлял вас рисковать жизнью и понапрасну расходовать государственные средства. Я опечален тем, что лишился множества драгоценных друзей. Тем же из вас, кто остается моими друзьями, я хочу сказать спасибо за то, что смогли, невзирая на обстоятельства, заглянуть непосредственно в мое сердце».

Как я говорил, он принимает на себя часть ответственности и демонстрирует некоторое осознание. Но когда он уверяет, что не хотел причинять боль и убивать, это означает на самом деле, что преступник настолько деперсонализировал своих потенциальных жертв, что их вероятная смерть не представляла для него проблемы, даже когда он поджигал дом со стариками внутри. Если бы он относился к другому типу преступников-хищников, обладал большей уверенностью в себе и не был таким трусом, то мог бы причинить куда больше зла – например, деперсонализировав женщину, жертву изнасилования, изуродовать ее и убить, не видя в ней человеческое существо. Точно так же, будь у него другой жизненный опыт, например работой он в технической или военной сфере, он мог перейти от поджогов к закладыванию бомб. А являясь Пол хорошим стрелком, как Дэвид Берковиц, то стал бы орудовать пистолетом, а не карманной зажигалкой.

Что касается принятия ответственности, во время интервью независимому телепродюсеру Брайану Олквисту Келлер заявил, что в двенадцать лет его изнасиловал волонтер вспомогательной пожарной бригады – как будто это оправдывало его преступления! Главное здесь другое – отец Пола упоминал, что поджигательством тот увлекся, когда ему было восемь или девять.

Джордж Келлер – один из настоящих героев в этой истории, – принял награду в 25 тысяч долларов и немедленно перечислил деньги в фонд пастора Ричарда Роуза из лютеранской церкви Святой Троицы в Линвуде, одной из тех, что поджег Пол. «Я потерял сына. Потерял сотни тысяч долларов из своего бизнеса, – сказал Джордж на пресс-конференции. – Но я сделал это для того, чтобы восстановить справедливость».

И я снимаю перед ним шляпу.

* * *

Точно так же, как происхождение, образование и профессиональный опыт влияют на тип преступления, которое человек совершает, его личность отражается в особенностях каждого конкретного деяния. Например, поджоги, как и изнасилования, подразделяются на несколько категорий.

Неадекватный поджигатель-хулиган на этой шкале соответствует насильнику, стремящемуся повысить самооценку, сексуально и социально неадекватной личности, которая насилует, чтобы ощутить собственное могущество и ценность, а потом, возможно, практически сразу, испытывает чувство вины. Он может даже извиниться перед жертвой, прежде чем покинуть место преступления. С другой стороны, поджигатель, который устраивает пожар в жилом доме и получает удовлетворение, наблюдая, как люди прыгают из окон и бегут, чтобы спасти свою жизнь, соответствует насильнику, который наслаждается своей силой и контролем над другими людьми. Он будто становится властным насильником, которому нравится смотреть, как плачет и мучается его жертва.

Как и с другими жестокими преступлениями, обстоятельства поджога указывают на мотив и, таким образом, на личность правонарушителя. Нельзя, однако, забывать, что любой поджигатель-хулиган может перейти на следующую ступень, если ухудшатся его жизненные обстоятельства или психологическое состояние. Но первой идет фантазия, поэтому и насильник, и поджигатель зачастую начинают с вуайеризма.

Я замечал, что следователи и полицейские часто путают термин «мотив» с «намерением». Намерение означает всего лишь произвольность действия – преступник намеренно совершает то, что совершает. Мотив же является причиной, по которой он разводит огонь. У поджигательства таких базовых мотивов семь, и мы часто встречаемся с ними на практике: это мошенничество, пиромания, сокрытие другого преступления, тщеславие, жажда мести, гражданские беспорядки, политическая или революционная деятельность и простое подростковое хулиганство или взрослые игры с огнем.

Для каждого из этих мотивов элементы поведенческого профиля будут отличаться.

Мошеннический поджог чаще всего совершают профессионалы – люди, которые зарабатывают на жизнь тем, что устраивают пожары, которые должны выглядеть как несчастный случай. Обычно мошеннические поджоги совершаются ради получения страховки, и мотив тут ясен: денежная выгода. Есть и другие, не менее очевидные, – устранение конкурента или запугивание и вывод бизнеса из строя. Иногда опытный поджигатель может представить все так, будто пожар устроили подростки-хулиганы, чтобы отвлечь внимание от реальных подозреваемых и настоящего мотива. При расследовании пожаров, которые могут быть мошенническими, первое, на что следует обратить внимание, это возможный мотив: кому было выгодно, чтобы здание пострадало? Например, не считает ли владелец многоквартирного дома, что получил бы больше, избавившись от нынешних съемщиков и продав свою собственность? Надо быть открытым для целого ряда вариантов.

Пиромания официально – это неконтролируемая тяга к разведению огня. В отличие от большинства тяжких преступлений, она характерна и для женщин, и для мужчин, хотя действуют они по-разному. Мужчины обычно совершают поджоги вдали от дома, и у них имеется определенный паттерн. Женщины устраивают пожары поменьше, в доме или возле него, и, как правило, в дневное время.

Любопытно, что это коррелирует с другими расхождениями в преступном поведении у женщин и у мужчин. Как говорилось выше, мужчины предпочитают наносить удар и выплескивать свой гнев на других, в то время как женщины наказывают себя и себе же причиняют ущерб. В отличие от других поджигателей, настоящие пироманы редко бывают агрессивными.

У них может возникать потребность в признании, и, если правильно с ними обращаться, они могут осознать, что психически больны и нуждаются в профессиональной помощи.

Поджог с целью сокрытия другого преступления может быть направлен как на коммерческие, так и на тяжкие преступления. Коррумпированный чиновник или бизнесмен может сжечь документы, изобличающие его во взятках или укрывательстве от налогов. Поджог может применяться для отвлечения внимания от другого правонарушения, например побега из тюрьмы. Он может маскировать также грабеж. Или, в более серьезных случаях, с его помощью скрывают убийство и/или уничтожают улики, сжигая здание, где было совершено преступление или оставлен труп. Зачастую пожарные, вскрывая сгоревшую машину, находят в ней останки жертвы убийства. Если кто-то совершает самоубийство, сжигая себя вместе с домом, мы считаем это поджогом с целью сокрытия другого преступления. Иногда встречаются запутанные, многослойные дела, когда мошеннический поджог (например, для получения страховки) маскируют под поджог с целью сокрытия грабежа, что уводит следствие от реальной причины преступления. Как и в других разновидностях «постановочных» дел, следователи обычно находят подсказки: если мы подозреваем, что владельцы сожгли свой дом ради получения страховки, первое, на что я смотрю, – были ли уничтожены семейные альбомы, или их предусмотрительно забрали.

Когда я писал эту главу, в округе Принц Джордж, пригороде Вашингтона, произошел трагический случай. В 3:30 утра в среду двое мужчин и женщина вошли в круглосуточную закусочную близ военно-воздушной базы Эндрюс, заставили троих служащих лечь на пол и расстреляли из пистолета. Двое были убиты, а третий, с тяжелым ранением, выжил, притворившись мертвым. Преступники оказались столь хладнокровны, что, когда женщина заглянула в закусочную, где за прилавком на полу лежали три трупа, истекающих кровью, они сделали вид, что работают там, продали ей пончики и отпустили счастливицу с миром. По бихейвиоральным паттернам было понятно, что преступники сразу планировали убить служащих, чтобы совершить ограбление. И не только – прежде чем уйти, они подожгли заведение, чтобы скрыть свое преступление. Спасательные службы приехали на место, когда в закусочной сработала пожарная сигнализация.

Я помню и еще один недавний случай, произошедший в Лас-Вегасе, который иллюстрирует многое из того, что я говорю, особенно пугающим образом. Сорокапятилетний мужчина был арестован по обвинениям в убийстве, похищении человека, сексуальных домогательствах, поджоге и мошенничестве со страховкой, после того как сжег свой трейлер, чтобы имитировать собственную смерть и получить деньги по страховке, *одновременно* избежав наказания за сексуальные домогательства к детям. Он перебрался в другой штат и сменил личность. А в трейлере погиб совсем другой человек.

Есть две основные категории так называемых *поджогов из тщеславия*. Первый – это «выгодный», или разновидность мошеннического поджога. Сторож хочет, чтобы ему повысили зарплату. Пожарный мечтает о большем количестве смен. Второй является «тщеславным героем» и обычно не чужд пиромании. Офицер полиции или пожарный хочет прославиться, обычный гражданин – привлечь к себе внимание. Юноша хочет произвести впечатление на девушку, спасая ее из горящего здания, которое сам и поджег. Няня хочет спасти ребенка и провоцирует опасную ситуацию. Как вы понимаете, большинство таких людей надо лечить, в отличие от тех, кто совершает поджоги из более традиционных соображений манипулирования, доминирования и контроля.

Поджог из мести или ненависти, провоцируемый злобой, ревностью или другими неконтролируемыми эмоциями, является самым опасным из всех типов намеренного поджигательства. Обычно он происходит ночью и может приводить к многочисленным жертвам и крупному ущербу. Любовь и/или секс часто становятся его мотивирующими факторами, например, чтобы удержать любовницу или отомстить бывшему. В качестве мишени может быть выбрано

общественное место, например бар, паб, лаунж или дискотека. Такие преступления чаще других совершают женщины и геи. И это не потому, что они склонны к поджигательству, – просто им не свойственно сводить счеты ножом или пистолетом. Поэтому если они собираются жестоко кому-то отомстить, то могут обратиться к огню. Другим мотивом для подобных поджогов являются ссоры на работе, религиозный или этнический антагонизм и расовые предрассудки – достаточно вспомнить, сколько раз в церкви для чернокожих на юге закладывали бомбы.

Пример поджога из мести – женщина поджигает машину мужа, который собирается с ней развестись, вместе с его вещами. Похожий случай недавно произошел в Детройте: восемнадцатилетняя девушка скопировала сцену из фильма «В ожидании выдоха». Из разговоров в салоне красоты она узнала, что парень ей изменяет и подожгла его «Шевроле Монте-Карло» последней модели. На допросе она сказала полицейским, что у нее стояла перед глазами сцена из фильма, в которой персонаж Анджели Бассет, Бернадин, складывает вещи мужа в его BMW и поджигает машину после того, как он ее бросил. Где произошел пожар, кто был жертвой – все это надо изучать очень подробно.

Гражданское неповиновение и политические поджоги могут быть результатом деятельности как одного человека, так и целых групп, действующих в состоянии аффекта, под влиянием момента. В этом случае уничтожение собственности используется как средство социального протеста или демонстрации силы. Расовые разборки, разборки в гетто, марши протеста и анархистские бунты – все попадают в эту категорию. Фактор устрашения играет здесь самую важную роль по сравнению с другими поджогами. Толпа распаляется, и возникает эффект снежного кома. Зачастую в уравнении появляются и другие переменные. То, что может показаться политическим поджогом, на самом деле скрывает месть, грабеж или вандализм. Эти преступления бывает трудно раскрыть, потому что их невозможно связать с одним человеком; к тому же группы, не совершавшие их, могут брать ответственность на себя, преследуя собственные соображения.

Что касается *подростковых поджогов*, это просто естественное любопытство по отношению к огню, свойственное обоим полам и обычно возникающее в возрасте от четырех до двенадцати лет. Чем моложе поджигатель, тем более вероятно, что он действует из любопытства, а не из злого умысла или криминальных намерений. Такие поджоги часто происходят в шкафах, под кроватями, в подвалах или на чердаках, под крыльцом, в коридоре – иными словами, не там, где могут привлечь всеобщее внимание. В подобных случаях требуется, скорее, семейная психотерапия или медицинская помощь, нежели обличение и наказание. Конечно, мы изучаем паттерн в совокупности, чтобы определиться с мотивом. Чем старше поджигатель, тем серьезнее проблема и разнообразнее мотивы: та же месть, тщеславие или сокрытие других преступлений. Вандализм как мотив для поджога не зависит от возраста и присущ как детям, так и взрослым, но дети занимаются им преимущественно от скуки. Два главных криминологических фактора при поджигательстве у детей – это изошренность преступления и поведенческий паттерн подозреваемого. И опять мы непременно исследуем мишень. Если это здание, где, по мнению преступника, пускай и малолетнего, могут находиться люди, которые пострадают от его действий, то налицо проблемы личностного и правового характера, на которые нельзя закрывать глаза.

Одной из целей нашего отдела бихейвиоральных наук и криминологического следственного анализа в Куантико являлось преобразование криминологической психологии из замкнутой академической дисциплины, оперирующей специфической терминологией, которой пользуются только психиатры и другие врачи, в нечто практическое, пригодное для офицеров полиции, детективов и других профессионалов правоохранительной сферы. И одним из главных наших инсайтов при изучении интервью с серийными преступниками была их классификация на категории – организованные, неорганизованные и смешанные, – на основании общих

характеристик МО, условий совершения преступлений, поведения до и после них и тому подобного. Это применимо как к поджигателям, так и к грабителям, насильникам, убийцам и прочим хищникам.

Мотивом организованного поджигателя, скорее всего, будет выгода или сокрытие других преступлений, либо тот факт, что он профессиональный «факельщик». Неорганизованный поджигатель обычно моложе, не такой искушенный, чаще всего одиночка, чувствующий себя отверженным; он может употреблять наркотики и алкоголь, у него очень мало друзей, и пожары он устраивает поблизости от дома, в пределах зоны комфорта. Такие факторы, как планирование, продуманная подготовка и прикрытие, а также методология указывают на степень организованности нашего НС.

В 1983-м к моему отделу в Куантико обратились за консультацией по поводу серии пожаров в Хартфорде, Коннектикут. За одну неделю в августе того года кто-то поджег две синагоги – «Эмануэль» и «Молодой Израиль», а также дом раввина «Молодого Израиля», Соломона Крупки, в Западном Хартфорде. Судя по списку телефонных звонков из «Молодого Израиля», оттуда многократно звонили по междугородной связи в топлес-бары в Далласе, Техас.

Я тогда был очень загружен и предложил специальным агентам Дейву Айкову и Блейну Макилвину поработать со мной. Оба они пришли в отдел недавно. Дейв переехал из Теннесси, где разрабатывал компьютерную программу СУИП (Система управления информацией о пожарах).

После первой серии пожаров в Хартфорде 17 августа загорелся дом представительницы Коннектикута в законодательном собрании Джоан Кемлер, действующего члена синагоги «Эмануэль». Его подожгли около 5:45 утра на Йом-Кипур, самый большой иудейский праздник. С учетом религиозной связи между всеми четырьмя мишенями и временем последнего пожара, местные власти и многие жители Западного Хартфорда были склонны думать, что поджоги совершены из ненависти – то есть их мотивом является антисемитизм.

Я не был в этом уверен.

Позднее, в сентябре, хартфордские полицейские исследовали записку, обнаруженную на задней двери дома, где жила еврейская семья: там было написано «Эти евреи следующие», словами, вырезанными из журналов и газет. Однако пожара не произошло, и МО отличался от предыдущих преступлений, поэтому все мы решили, что здесь действовал трусливый имитатор, просто выказывавший свою религиозную нетерпимость, пользуясь чужим правонарушением.

Пожар в «Молодом Израиле» был небольшой – он начался со спички, брошенной в мусорную корзину. Дальше НС поджег занавески в главной часовне. В «Эмануэле» тоже подожгли занавески; сгорели также три свитка Торы, которые хранились в священном ковчеге. В доме раввина заднюю дверь облили бензином, после чего бросили спичку. В доме Кемлер на газоне были обнаружены пустые бутылки из-под газировки, из которых бензин вылили на фундамент и тоже подожгли. Несмотря на откровенно враждебную, асоциальную и тревожную природу этих правонарушений, их нельзя было назвать серьезными преступлениями, направленными на причинение максимального ущерба. Скорее, они походили на подростковую попытку привлечь к себе внимание. Поэтому я решил сосредоточиться на первом поджоге, потому что он наверняка был осуществлен в пределах зоны комфорта правонарушителя.

Дэйв Айков составил карту, точками отметив места, где произошли поджоги, и когда он закончил, мы все изучили ее и пришли к выводу, что наш парень, скорее всего, неадекватный тип, живущий примерно в центре между местами происшествий. Мы полагали, что ему около двадцати лет, он держится особняком и живет с матерью или обоими родителями. Предыдущих приводов у него тоже, по всей вероятности, не было.

Случай не казался нам особенно сложным. Скорее всего – хотя при тех обстоятельствах нас мало кто поддержал бы – поджигатель являлся действующим членом первой подожженной

синагоги. Тот факт, что человек столь неискушенный чувствовал себя в ней достаточно уверенно, чтобы звонить оттуда, указывал на возможность пребывать в помещении длительное время, не вызывая подозрений. Профиль, составленный Блейном, указывал, что свитки Торы горели справа налево; этот странный факт подтверждал, что поджигатель знал иврит, в котором, в отличие от западных языков, читают и пишут справа налево. Это не было преступление из ненависти. Судя по всему, какой-то юноша выказывал свое неповиновение. Когда следователи обсудили это с раввином, он сказал, что знает одного человека, живущего точно по центру карты Дейва.

Звали его Барри Дав Шусс. Ему было семнадцать, и он являлся активным членом синагоги «Молодой Израиль». Шусс происходил из ортодоксальной религиозной семьи. Он не оказал сопротивления и добровольно сдался властям 14 декабря 1983 года, когда против него выдвинули обвинения в четырех поджогах второй степени, он полностью принял на себя ответственность, но не смог объяснить, почему устраивал пожары. На момент ареста он лечился в психиатрическом отделении местной больницы. Шусс признал себя виновным по двум случаям поджогов второй степени и двум – третьей; степень тяжести снизили, потому что обе синагоги на момент поджога были пусты. Его приговорили к четырнадцати годам тюрьмы плюс пяти годам под наблюдением, но судья отсрочила исполнение приговора при условии, что он будет лечиться стационарно в закрытом психиатрическом госпитале. В данном случае с приговором я согласен. Если оказать этому парню помощь, он не вырастет закоренелым преступником. Ему просто нужно разобраться со своей жизнью, потому что главную опасность он представляет для самого себя. Я стараюсь проявлять максимум оптимизма с учетом своего жизненного опыта.

* * *

В 1986 году ко мне обратился детектив-сержант Рей Мондрагон из Кловиса, Нью-Мексико. Полиция просила, чтобы мы в Куантико помогли добиться приговора для двадцатичетырехлетнего Эдварда Ли Адамса за изнасилование и убийство 81-летней женщины ранее в том же году. Адамс также обвинялся в поджоге дома жертвы после нападения. Суд был запланирован на следующий месяц.

Любое убийство или изнасилование ужасно, жестоко и отвратительно по своей природе, и я пойду на все, чтобы помочь осудить преступника. Мондрагон проходил курсы в Куантико, включая мои, поэтому он знал кое-что обо мне и моей работе. В то время я служил координатором программы по профилированию и консультированию в Отделе поведенческих наук. Я заинтересовался этим случаем по нескольким причинам. Хотя сам я с Лонг-Айленда, в Нью-Йорке, несколько лет я провел на военно-воздушной базе Кэннон, когда служил в армии, а потом на западе Нью-Мексико, учась в университете в Порталесе. Именно там я познакомился с агентом ФБР, который предложил мне попробовать себя в Бюро. Кроме того, случай поджога с целью сокрытия другого преступления привлек мое особое внимание. Мне хотелось узнать о деле больше, и я согласился помочь.

Обычно главное, что требуется обвинению от меня и моих людей – это ответ на вопрос *почему*. Он может казаться неважным, когда подозреваемый уже изобличен, но в действительности представляет огромное значение в суде. Присяжным сложно согласиться, что человек совершил тяжелейшее преступление, если они не знают его мотива. И как вы увидите, имелись все основания предполагать, что защита попытается сбить их с толку.

Вот какие обвинения выдвигались против Эдди Ли Адамса:

Утром 31 января 1986 года 81-летняя Ола Темпл была изнасилована и убита в своем доме, который затем подожгли. Пожарные обнаружили тело жертвы в спальне, на кровати; ноги свешивались на одну сторону. Ее очки и бюстгальтер лежали в другой комнате.

Сначала пожар сочли несчастным случаем, поскольку тело было обнаружено в постели, и все знали, что миссис Темпл любила там курить. Однако выяснилось важное обстоятельство: патологоанатом обнаружил, что уровень углекислого газа в ее крови очень низкий, а это означало, что во время пожара она была уже мертва. Вскрытие показало, что ее задушили руками (хотя защита настаивала на том, что женщина скончалась от инфаркта). Помимо сломанной шеи и повреждений гортани, у нее было сломано три ребра и имелись доказательства насильственного вагинального секса. Адамса заподозрили по описаниям свидетелей, видевших, как он кружил возле дома Темпл. Кроме того, полиция заинтересовалась им, поскольку совсем недавно он вышел из тюрьмы, где сидел за изнасилование при схожих обстоятельствах. При обыске у него дома были обнаружены улики, включая окурки от сигареты нехарактерной для Адамса марки – такие курила миссис Темпл. Рана на губе соответствовала такой, которую жертва могла нанести, пытаясь защититься от нападения.

Хотя Адамс признал себя виновным, часть вины он попытался с себя снять, как и при предыдущем изнасиловании. В первом случае он утверждал, что женщина сама изнасиловала его; здесь же настаивал, что не собирался ее убивать, а травмы она получила, когда он проводил реанимационные мероприятия, так как понял, что женщина не дышит.

Я всегда ищу паттерны поведения, поэтому первым делом мы взялись изучать подробности предыдущего дела Адамса.

30 июля 1978 года в 10:30 утра шестнадцатилетний Адамс вломился в дом сорокасеми-летней женщины, изнасиловал ее и ограбил. По словам жертвы – и это я считаю, пожалуй, важнейшим элементом любого поведенческого анализа, – Адамс схватил ее сзади, крикнул, «Тихо, а то убью», а потом потащил в спальню и сорвал одежду. На кровати он зажал ей лицо подушкой и изнасиловал, вагинально и анально. Он требовал удовлетворить его орально, но она отказалась. В какой-то момент он потребовал ключи от одной из ее машин, припаркованных возле дома, но она сказала, что ключей у нее нет. Он также требовал денег, и она пообещала отдать ему всю наличность, если он уйдет. Он пошел за ее сумкой в соседнюю комнату и вытащил оттуда деньги, после чего вернулся и снова сказал, что сейчас ее убьет. Он зажал ей горло кулаками, но тут его отвлек шум с улицы. Он отошел посмотреть, что происходит, и она бросилась в соседнюю спальню, где держала пистолет. Увидев оружие, преступник сбежал.

В первом случае Адамса тоже нашли благодаря свидетелям, которые видели, как он ошивался вокруг дома; он подходил под описание, предоставленное жертвой, и она опознала преступника, когда полиция его арестовала. Он утверждал, что женщина сама впустила его в дом, наставила пистолет и принудила заняться сексом, а потом заплатила за это деньгами из своей сумочки. А травмы у нее появились, когда он попытался выдернуть у нее пистолет и придушить одной рукой; когда пистолет выпал, он ее отпустил. Адамс говорил, что, убегая из дома, бросил деньги там же. Позднее он согласился с версией событий, изложенной жертвой, признав себя виновным в изнасиловании и грабеже при отягчающих обстоятельствах.

Благодаря своим исследованиям я знал, что правонарушители не начинают с таких преступлений, как эти два. И когда мы изучили биографию Адамса, то у нас получился совершенно традиционный профиль: неблагополучная семья, родители в разводе, жизнь с бабушкой, которая не могла его контролировать, и длинный, страшный список изнасилований, начинающихся с молодых лет, которые постепенно становились все тяжелее. Такого парня точно нельзя было отпускать на свободу.

Итак, я полетел в Альбукерке, арендовал машину и поехал за двести миль в окружной суд, расположенный в городе Тукумари. Там познакомился с окружным прокурором Дэвидом Бонемом и его командой, сообщил им, чего можно ожидать и как продемонстрировать истинную личность Адамса присяжным, если его вызовут давать показания.

Также моя роль на суде заключалась в подстраховке на случай, если защита пригласит психиатра или психолога, чтобы тот подтвердил непреднамеренность убийства. Если это про-

изойдет, мне нужно будет выступить с показаниями относительно истинных мотивов Адамса и рассказать о том, что мы знаем о нем по предыдущему изнасилованию.

В конце пятидневного процесса Адамса признали виновным по семи статьям: изнасилование, поджог, сокрытие улик, ограбление приотягчающих обстоятельствах, разбойное нападение, похищение человека и убийство первой степени. Присяжным дали полтора часа, чтобы вынести свой вердикт. Психиатра для дачи показаний не приглашали, поэтому мне выступать не пришлось. Когда защита поняла, зачем Бонем меня вызвал, то отказалась от своих планов атаки. Но самым интересным стал процесс определения наказания.

Почему Адамс сотворил такое с этой женщиной? Какова вероятность, что он снова это сделает, если окажется на свободе? Есть ли у него паттерн, к которому он вернется? Было ли это спланированное преступление или просто случайный взлом, который пошел не так, как преступнику хотелось, потому что хозяйка не подчинилась ему? Вот какие вопросы стояли перед окружным судьей Рубеном И. Нивзом.

Обвинение требовало смертной казни, а в штате Нью-Мексико для этого нужно доказать наличиеотягчающих обстоятельств. Бонем хотел использовать данные с предыдущего процесса Адамса и вызывать жертву для дачи показаний. Поскольку Адамс признал себя виновным в том преступлении, жертве не пришлось свидетельствовать против него. Защита резко возражала против ее выступления, настаивая на том, что предыдущее обвинение не имеет отношения к нынешнему, поскольку Адамс по-прежнему утверждал, что причинил смерть по неосторожности. Поэтому судья Нивз провел закрытое совещание у себя в кабинете с обеими сторонами в присутствии Адамса. Именно там я должен был изложить свои соображения. Если бы мне удалось убедить судью, что два преступления связаны между собой и образуют паттерн, который может повториться в будущем, тогда – думали мы – предыдущей жертве могут позволить рассказать ее историю. Адамс был здоровенным детиной грозного вида, и я помню, как он все время ухмылялся, глядя на меня, на том совещании.

Защита пыталась возражать, что их клиент испытывает угрызения совести за случившееся и подлежит исправлению, во что не верили ни я, ни представители обвинения. Ситуация вызывала у меня в памяти вопрос знаменитого криминологического психолога доктора Стэнтона Саменова: как *исправить* человека, который никогда и не был *правильным*? Адамс убил Олу Темпл спустя всего *неделю* после того, как его выпустили из тюрьмы за предыдущее преступление. Слушая его показания на суде, я пришел к выводу, что, нападая на пожилую жертву, Адамс символически наказывал свою бабушку, которая, по его мнению, плохо с ним обращалась.

Адамс не был особенно умен. Но как преступник оказался изощренным. Эти преступления не являлись случайными грабежами и изнасилованиями. Изучение поведенческих данных показало, что в обоих случаях у него имелся определенный модус операнди. Оба преступления были совершены утром, в доме у жертв женского пола и значительно старше его по возрасту. Обе находились дома одни. В обоих случаях он вломился к ним в двери. В обоих зажимал жертвам подушкой лицо, прижимал к горлу кулаки, пытаясь задушить, забирал деньги из сумочки и грозил убийством, если жертва не вступит с ним в сексуальный контакт. Один раз такое еще можно симпровизировать, но не два. Он планировал убить первую жертву, но ему помешали обстоятельства, и той удалось добраться до пистолета. У миссис Темпл не было возможности защищаться, и это доказывало, что он научился на прошлом опыте и тщательно подошел к выбору жертвы. Совершив в предыдущий раз ошибку, из-за которой оказался в тюрьме, он планировал сразу убить ее, не оставив свидетелей. По нашим тюремным интервью, посвященным мыслительным процессам у преступников в момент преступления, я знал: тот факт, что Адамс не закрывал лица, нападая на нее, имеет важнейшее значение. Если жестокий, самоутверждающийся или садистический насильник совершает нападение без намерения убить жертву, он обычно пытается прикрыть лицо – свое или ее, – чтобы впоследствии та его

не опознала. Адамс в обоих случаях этого не делал, а поскольку в остальном он демонстрировал все признаки организованности и контроля, я пришел к выводу, что он планировал убийство.

Если жестокий, самоутверждающийся или садистический насильник совершает нападение без намерения убить жертву, он обычно пытается прикрыть лицо – свое или ее, – чтобы впоследствии та его не опознала.

Пока команда криминалистов обследовала дом, зазвонил телефон. Детектив Мондрагон поднял трубку, но ему никто не ответил. Он заподозрил, что это может быть убийца, и впоследствии Адамс подтвердил его догадку в своем признании. Это сообщает нам очень важный факт: он отслеживал ситуацию, что является признаком изощренного и организованного преступника.

Тут мы переходим непосредственно к поджогу. Если посмотреть на возможные мотивы – пиромания, месть за какое-то воображаемое зло, причиненное ему миссис Темпл, расовую ненависть (Адамс был чернокожим, а она белой) – убедительно выглядит только один: он совершил поджог, чтобы скрыть другое преступление. Эдди Ли Адамс как преступник был достаточно опытен, чтобы поджечь дом в попытке уничтожить все улики. Но в полной мере это ему не удалось. Телефонный звонок он сделал, на мой взгляд, чтобы проверить, все ли в доме спокойно, а потом вернуться и поджечь его еще раз. В отличие от других правонарушителей, о которых мы говорили в этой главе, Адамс не испытывал эмоционального удовлетворения, когда разводил огонь. Это не было сигнатурой, действием, необходимым с психологической точки зрения; он был нацелен на изнасилование и убийство. Поэтому поджог являлся его модус операнди.

Если бы Адамса не арестовали, если бы ему удалось избежать наказания за изнасилование и убийство миссис Темпл, при следующих нападениях – я в этом уверен – поджог стал бы стандартной частью его МО, а с учетом его поведенческих особенностей и паттерна развития как преступника, таковые нападения непременно бы последовали. Его первой жертвой стала женщина испанского происхождения, средних лет. Второй – белая, очень пожилая. У него не было специальных предпочтений относительно жертвы; Адамс являлся просто хищником, который выплескивал свою агрессию против женщин вообще – тех, кто попадется под руку.

Выслушав аргументы обеих сторон, судья Нивз пришел к выводу, что первое преступление помогает обрисовать паттерн поведения и намерения Адамса, и вынес решение: первая жертва может выступить перед присяжными, чтобы они действовали обоснованно при определении приговора.

Заседание прошло крайне эмоционально. Женщина так рыдала, вспоминая события восьмилетней давности, что едва могла говорить. Все, кто ее слушал, плакали тоже. Защита не стала проводить перекрестный допрос; когда Рей Мондрагон поднялся для дачи показаний, Адамс вскочил и начал кричать: «Нечего было заставлять беднягу опять проходить через это дерьмо! Бонем, давай, сделай мне укол!» – имея в виду смертельную инъекцию. Когда его собственные адвокаты не смогли заставить подсудимого сесть и успокоиться, судья приказал очистить зал.

Присяжные согласились на смертную казнь, определенную судьей, но приговор оставался действительным всего месяц: в ноябре 1986 года вновь избранный губернатор Тони Анайя отменил смертные приговоры для всех пяти заключенных, ожидавших их, в штате Нью-Мексико. Затем, в феврале следующего года, судья Нивз приговорил Адамса еще к двадцати восьми годам – по четыре за каждое из семи обвинений по делу Темпл, – так как Адамс считался рецидивистом.

«Действия губернатора подтверждают, что он разделяет наше отношение к казни как к публичной демонстрации преднамеренного жестокого убийства», – сказал в интервью «Юнайтед Пресс Интернэшнл» Генри Шварцчайлд, руководитель проекта против смертной казни в рамках Американского союза гражданских свобод. Не буду вдаваться здесь в долгую дискуссию о смертной казни как таковой, но все-таки скажу, что, вне зависимости от ваших этических убеждений, называть ее «преднамеренным жестоким убийством» для меня неприемлемо и отвратительного, потому что так мы низводим убийцу и жертву до одного уровня и стираем принципиальное различие между виной и невиновностью. Память миссис Олы Темпл не должна быть запятнана подобным образом. Переставая различать эти два понятия, мы по-настоящему играем с огнем.

Помню, в тот момент мне искренне хотелось надеяться, что губернатор Анайя, прежде чем пойти на такой решительный политический шаг, хорошо подумал о мотивациях и намерениях всех пяти преступников – как я в случае с Эдди Ли Адамсом. Но почему-то я в этом сомневался.

Глава 3. Высшая сила

Мои бывшие коллеги и я изучаем поведенческие улики на месте преступления, по показаниям свидетелей и протоколам вскрытия – по любым данным, которые могут помочь полиции в охоте за неизвестным субъектом (НС). В процессе мы составляем профиль, где, помимо прочего, излагаем собственное мнение о мотиве – почему это конкретное преступление было совершено. Далее, если нам повезет и преступника арестуют, мы можем сравнить свои прогнозы с тем, что он сам расскажет о причинах преступления. Это всегда интересный опыт, поскольку его и наши соображения не обязательно совпадают.

Оно и понятно: преступник и его адвокат вряд ли добьются оправдательного приговора, если первый признает, что изнасиловал и убил ребенка из-за всепоглощающего стремления к контролю и власти, а также повышенного сексуального влечения, которое они в нем пробуждают. Если вы, как защитник, не можете опровергнуть факты, то вам лучше всего сосредоточиться на том, чтобы посеять раздор между присяжными и судьей, представив некое объяснение (как поступил Эдди Ли Адамс), которое покажет подсудимого в более человеческом свете. Что-то должно было сильно *повлиять* на него, чтобы он сделал все эти ужасные вещи. Без этого влияния он никогда не совершил бы столь зверского преступления.

Все мы привыкли к оправданиям вроде тяжелого детства, которое и стало мотивирующим фактором для совершения преступлений. Я часто говорю, что неблагополучная среда может объяснить, почему вы выросли несчастливым или психически изуродованным, но это не оправдывает вашей жестокости по отношению к другим людям и не снимает ответственность за нее.

Еще одним так называемым фактором воздействия, на который стало модным ссылаться в последнее время, являются СМИ. И оправдание это настолько извращенное – как и отношение к СМИ в нашем обществе в целом, – что мы просто обязаны коснуться данного вопроса в исследовании мотива.

В двух словах: люди черпают идеи для преступлений, смотря телевизор или кино, а потом идут и совершают их? Могут ли фильмы, телевидение, книги или порнографические ролики и журналы превратить обычного мужчину в человека, совершающего жестокие преступления против детей или женщин? Может ли обилие жестокости в телесериалах и кинофильмах сделать общество равнодушным до такой степени, что мы потеряем способность отличать добро от зла и утратим контроль над своими импульсами?

Мое личное мнение, сформировавшееся за годы исследований и наблюдений, заключается в том, что СМИ действительно могут поставлять преступникам идеи для их преступлений (и модус операнди, и элементы сигнатур), могут служить фактором влияния на тех, кто уже склонен к жестокости, и могут делать нас равнодушными к реальным ужасам, творящимся рядом, но, за исключением крайне редких особых случаев, медиа (включая порноиндустрию) не делают в остальном добропорядочных и законопослушных граждан жестокими асоциальными типами. Давайте рассмотрим несколько примеров связи между медиа и преступлением, на которые я ссылался, когда преподавал в Куантико.

4 июня 1976 года восьмидесятидвухлетняя вдова по имени Элинор Хаггарт была застрелена в своем доме в Майами-Бич, Флорида, после того как застала там двух грабителей – ее соседа Рональда Замору, пятнадцати лет, и Даррелла Агреллу, четырнадцати. После ареста Замора, худой и невысокий ученик старшей школы, иммигрант из Коста-Рики, дважды признался, что застрелил миссис Хаггарт. Но при каждом признании он излагал разные версии событий.

Ни одна не была записана на пленку или зафиксирована в протоколе, но обе сходились в том, с чего началось преступление. Замора и Агрелла, приятели, остро нуждались в деньгах.

Они знали, что у пожилой соседки Заморы есть в доме наличные, поэтому взломали дверь и нашли конверт с деньгами и револьвер 32-го калибра. Миссис Хаггарт вернулась домой, застала там подростков и заявила, что звонит в полицию. Они попросили ее этого не делать. С этого момента версии Заморы расходятся.

В первом признании Замора утверждал, что застрелил ее случайно. «Даже не знаю, что произошло, – говорил он, – пистолет просто выстрелил». Смертельно раненная, она попросила дать ей виски, но свалилась замертво, когда Замора подал ей стакан.

Во втором варианте, который сержант Пол Рантанен из полицейского департамента Майами-Бич считал более убедительным и похожим на правду, мальчишки проговорили с миссис Хаггарт примерно полтора часа, наливая ей виски с водой, пока не научились добиваться нужной пропорции. Она показывала им фотографии – свои и своего последнего мужа, – и они решили, что соседка передумала звонить в полицию. Когда она в конце концов сказала, что все-таки вызовет копов, Замора – по его собственным словам, – накрыл пистолет подушкой и застрелил ее. Далее, по обоим признаниям, они прошлись по дому, чтобы максимально стереть отпечатки пальцев, и сбежали, прихватив ценные вещи, включая два телевизора.

По иронии, процесс Заморы первым показали во Флориде по телевизору в рамках годичного эксперимента, одобренного верховным судом штата. Это была и первая трансляция процесса об убийстве на всей территории США. Защищал Замору знаменитый адвокат Эллис Рубин. Не было никаких сомнений, что Замора застрелил свою соседку, поэтому Рубин решил настаивать на невинности подзащитного, объясняя ее помешательством – Замора насмотрелся насилия по телевидению. В своем обращении к присяжным Рубин утверждал, что продемонстрирует «как телевидение сотворило и разрушило зависимую от него личность».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.